

Трансформация партийной системы Белоруси.

Галина, Юрий Дракохруст, Дмитрий Фурман

Партийные системы постсоветских стран очень трудно сравнивать с партийными системами Запада. На закате перестройки, совпавшем с зарей независимости республик СССР, всюду возникали либеральные, либерально-демократические, просто демократические, социал-демократические, христианско-демократические и т.п. партии, названия которых, а часто- и программные документы, были заимствованы у партий Европы и Америки. Их создатели, видимо, думали, что с приходом демократии все у нас будет «как на Западе» - свои социал-демократы будут «культурно бороться» со своими христианскими демократами. Но очень скоро обнаруживалось, что эти партии - или чисто искусственные, эфемерные, «диванные» партии, или представляют собой нечто, не имеющее никакого отношения к «красивому» демократическому названию (самый яркий пример, разумеется, - российская ЛДПР). Западные партийные размежевания не соответствуют природе постсоветских обществ. Даже самое общее деление на «правых» и «левых» в наших странах, где крайне левая партия правила 70 лет и создала мощную тоталитарную империю, или вообще не применимо, или должно сопровождаться массой оговорок. («Левые» у нас - скорее традиционалисты и русские националисты.)

Это не значит, разумеется, что, как это иногда утверждают, партийная система вообще не приспособлена для выражения политических интересов в постсоветских обществах, где эту роль куда лучше выполняют властные кланы и корпоративные объединения. Действительно, многие партии в наших странах - искусственны и эфемерны, а группировки «кланового» типа - реальны и сильны. Но эфемерны далеко не все партии. Так, во всех постсоветских обществах есть партии - наследницы КПСС. Они - прочны и реальны. Везде есть и их антагонисты - партии-преемники антикоммунистических движений эпохи перестройки. Белорусский БНФ, литовский Саюдис, украинский Рух, армянский АОД, Народный Фронт Азербайджана, хотя и возникли как широкие и аморфные объединения, оказались очень устойчивыми образованиями.

Но природа наших партийных размежеваний и «топология» постсоветских партийных систем, в которых есть как бы определенные «места», обязательно заполняемые какими-то партийными образованиями (в то время как есть и партии, не соответствующие никакому «месту», чисто искусственные и недолговечные), порождены нашими, советскими и постсоветскими проблемами, нашей, совсем не «западной» социальной и идейной жизнью.

Поскольку все наши страны исходной точкой своего демократического развития имеют общее государство и общее однопартийное коммунистическое устройство, процесс образования партийных систем во всех постсоветских странах имел общие черты, и сами эти, сейчас уже относительно сложившиеся, более или менее «устоявшиеся» системы имеют много общего. Но одновременно этот процесс был и процессом «дивергенции», выявлявшим скрывавшееся под общими советскими (формами разное национальное содержание. И если в догорбачевское время в формах политической жизни Белоруссии, России и даже Туркмении нет вообще никаких заметных различий (везде - обкомы, райкомы, КГБ и горстки диссидентов), то сейчас индивидуальные особенности политических систем отдельных республик, пожалуй, даже более очевидны, чем их общие черты.

Цель данной статьи - проследить процесс образования белорусской партийной системы, выявляя как его «общепостсоветские» черты, так и белорусскую специфику.

1. Зарождение белорусской партийной системы

Не случайно еще в 1988 г. А. Адамович назвал Белоруссию «Вандеей перестройки» - с самого начала горбачевских реформ Белоруссия показала себя обществом более консервативным, чем другие республики, накопившим значительно меньший антисоветский потенциал. Достаточно сказать, что в политической жизни Белоруссии совершенно не участвовали диссиденты - просто потому, что их практически не было (единственным известным «настоящим», сидевшим, диссидентом в Белоруссии был Михаил Кукобака) (1). В чем же причины этого белорусского консерватизма?

СССР представлял собой двойственное, «янусообразное» государственное образование - тоталитарное коммунистическое государство и одновременно - «превращенную» форму Российской империи, государство, где «старшим братом» всех народов был русский народ, официальным языком и языком «межнационального общения» - русский язык, столицей - Москва. Соответственно, революционный антисоветский потенциал, накапливавшийся в СССР по мере распада и разложения скреплявшей его коммунистической идеологии, был двоякого рода. Это, во-первых, демократический антикоммунистический потенциал, накапливавшийся прежде всего в интеллигенции. Естественно, что в основном он был сосредоточен в Москве и Ленинграде, культурных центрах всего СССР, в Белоруссии же, как и в других республиках, он был значительно меньше. Во-вторых, это - национальный потенциал, существовавший во всех нерусских республиках и пробужденный, выведенный на поверхность политической жизни горбачевскими реформами и интеллигентским антикоммунистическим движением (в некотором роде «сигнал» к подъему Прибалтики, Западной Украины, Закавказья был подан из Москвы). Но в Белоруссии и этот потенциал был очень слаб, ибо белорусское национальное самосознание - неразвитое и неопределенное и русификация в Белоруссии зашла особенно далеко и глубоко (2). Ощущения русских как «чужих», столь сильного у прибалтийских народов и в той или иной мере присутствовавшего у всех народов СССР, в народном белорусском сознании почти не было. Не было причин для недовольства и у партийной элиты, которая при своей полной русифицированности и отсутствии дискриминации со стороны русских, воспринимавших белорусов особым народом еще меньше, чем они воспринимали украинцев, могла делать карьеры на всем пространстве СССР и не чувствовала себя ограниченной республиканскими рамками.

Поэтому протестное белорусское антисоветское движение, которое начало выходить наружу в перестроечную эпоху, прежде всего - под влиянием событий в Москве, Прибалтике и на Украине, было относительно слабым. У него не было диссидентского «костяка», его интеллигентская (и прежде всего - минская) социальная база была значительно уже, чем московско-ленинградская интеллигентская база российского движения, оно не могло опираться на сочувствие всего народа, как в Прибалтике, или хотя бы его части, как на Украине, и на тайное сочувствие и «попустительство» партийной верхушки. В Белоруссии в перестроечную эпоху происходит все то же, что и везде, но - в меньших масштабах, позже, чем в других республиках, и в значительной мере - в заимствованных формах.

Как и везде, пробуждение общественной активности начинается в Белоруссии во внешне «невинных» формах разного рода обществ и клубов, занятых экологическими и культурными проблемами (особо популярна в тот период во всем СССР была охрана памятников старины). Среди них - клуб «Талака» (на белорусском это слово означает «общее дело, общая работа»), объединение молодых литераторов «Тутэйшыя» («Местные»), гродненский клуб «Походня» («Факел») и др. (3) Пробуждению общественного сознания весьма способствовала борьба «Талаки» и других клубов против строительства в Минске станции метро в опасной близости от Кафедрального собора - главного православного храма столицы. 2 декабря 1987 года эти клубы провели первую массовую акцию - День памяти белорусских деятелей культуры, уничтоженных в годы сталинского террора.

Члены этих организаций - в основном представители молодой и еще не «статусной», прежде всего - гуманитарной и творческой интеллигенции, часто - из элитарных интеллигентских и номенклатурных семей, что давало им ощущение относительной безопасности (4). Но им активно покровительствуют «статусные» белорусские интеллигенты, прежде всего - писатели (во всех республиках, кроме России, Союзы писателей - естественные центры национальных антисоюзных движений на раннем этапе перестройки), направившие в 1987 г. письмо М. Горбачеву о бедственном положении белорусской культуры, а также элитарно-интеллигентские издания, как «Літаратура і мацацтва (ЛіМ)» и «Не-ман» (а в Москве - «Огонек», где публикуется А. Адамович).

Естественной идеологией антисоветских движений в Белоруссии, как и во всех республиках СССР, кроме России, был национал-демократизм, соединение национального протеста против Москвы и демократического протеста против коммунистического тоталитаризма. Но хотя векторы этих форм протеста относительно совпадали, национализм все же отнюдь не тождествен демократизму и между двумя «аспектами» и «крыльями» национально-демократических движений везде существовали «трения» и конфликты. В Белоруссии, где в силу крайней русификации национализм вынужден ставить перед собой особенно трудные задачи, а с другой стороны, значительная часть интеллигенции была абсолютно денационализирована, несовпадение чисто демократического и национального протестных движений выявилось в самом начале перестройки - оппозиционная национальная и оппозиционная просто демократическая интеллигенция имели разные круги общения. И в раннеперестроечную эпоху наряду с национальными клубами и обществами возникали и организации чисто либерально-демократической ориентации, из которых наиболее известным был минский дискуссионный клуб «Современник». Эти клубы, однако, были малочисленнее «национальных» и не прибегали к массовым акциям.

По-видимому, началом «открытой» белорусской политической жизни можно считать появление летом 1988 года в газете белорусских писателей «ЛіМ» всколыхнувшей белорусское общество статьи археологов З. Позняка и Е. Шмыгалева «Куропаты: дорога смерти» об урочище под Минском, которое было местом массовых казней, совершенных НКВД.

В июле 1988 года в Куропатах состоялся массовый митинг, где впервые прозвучали призывы организовать свой «Народный Фронт в поддержку перестройки» по образцу уже созданного Народного Фронта Эстонии.

19 октября 1988 года в Минске в Доме кино состоялось собрание интеллигенции, на котором было учреждено общество «Мартиролог» и создан Оргкомитет Белорусского Народного Фронта. В него вошли Зенон Позняк и ряд видных представителей

интеллигентской элиты - Василь Быков, Олег Трусков, Михаил Ткачев и др. Широкую известность Фронту принес митинг-реквием 30 октября 1988 года в Куропатах, который был разогнан силами милиции и внутренних войск, что вызвало протесты далеко за пределами Белоруссии.

После создания Оргкомитета началось образование групп поддержки БНФ на предприятиях, в учреждениях и по месту жительства. В начале 1989 года были образованы областные, городские и районные (в Минске) Рады БНФ - координирующие органы соответствующих региональных организаций.

БНФ был первой массовой общественно-политической организацией, оппозиционной правящей КПБ/КПСС (вначале эта оппозиционность, однако, прикрывалась, как и везде, «перестроечной» фразеологией и даже - цитатами из Ленина) (5). И белорусская партийная верхушка, в которой практически не было «национал-коммунистических» настроений, встретила его появление крайне агрессивно, совсем иначе, чем встретили появление своих Народных Фронтов партийные верхи республик Прибалтики (6). Из-за противодействия властей первый (учредительный) съезд БНФ был проведен в июле 1989 года в Вильнюсе по приглашению литовского Саюдиса (7).

На съезде были приняты программа и устав Фронта, председателем был избран Зенон Позняк, полудиссидент, не принадлежащий к белорусскому интеллигентскому истеблишменту, чьи национально-демократические убеждения имели глубокие семейные корни. Его дед Ян Позняк был видным деятелем белорусского национального движения в межвоенной Польше. В программе в первом разделе говорилось о суверенитете Белоруссии, который «имеет в виду главенство нации в её самовыражении» (sic!), и о том, что «суверенитет союзных республик - первичный, а суверенитет союза - вторичный» (о выходе из СССР упоминается лишь как о праве республик, но не как о цели БНФ) (8). Во втором разделе о демократии и правах человека (расположение разделов отражает иерархию ценностей) говорилось, что «БНФ считает, что КПСС должна утверждать свой авторитет в обществе практической деятельностью, а не закрепленным в годы застоя 6-й статьей Конституции лидерством» (9). В программе также было требование возвращения исторической символики и государственности белорусского языка.

Постепенно БНФ начинает «вбирать в себя» возникшие ранее интеллигентские клубы и организации. Тихо прекратили свое существование клубы национальной культуры, в том числе и «Талака». Общество «Мартиролог Беларуси», созданное одновременно с БНФ, впоследствии также фактически не функционировало. Эти типично «раннеперестроечные» организации процветали в то время, когда появление действительно политической организации (хотя бы «в поддержку перестройки») казалось очень отдаленной перспективой. Теперь эти организации-«прикрытия» выполнили свою роль и утратили свои функции. Их члены влились в БНФ. В громадной мере БНФ «вобрал в себя» и протестное движение, порожденное чернобыльской катастрофой (10).

Политическая жизнь Белоруссии в этот период определяется борьбой двух сил - наступающего и фактически вобравшего в себя все протестное национально-демократическое движение БНФ и стоящей у власти, но деморализованной и постепенно отступающей (с «арьергардными боями») КПБ/КПСС (11).

2. Успехи БНФ. Достижение независимости. Распад КПБ. «Взрыв» партийного строительства.

Внешне белорусская история 1989-1992 гг. - это история триумфов БНФ, которому удалось достигнуть всех своих целей (даже тех, о которых в 1989 г. он не решался открыто заявлять) - достижения белорусской независимости, объявления белорусского языка единственным государственным языком и введения программы белорусизации, принятия в качестве государственной национальной символики, бывшей партийной символикой Фронта и еще недавно официально считавшейся чуть ли не «фашистской», и даже запрета КПБ. Но все эти триумфы, порождавшие своеобразное «головокружение от успехов», были не столько результатом деятельности самого Фронта, сколько результатом действия факторов и сил за пределами Белоруссии. Белорусская независимость была достигнута не столько в Минске, сколько в Москве, Вильнюсе, Таллинне, Риге, Львове, Тбилиси, Баку. И за это несоответствие успехов Фронта его реальной силе и ему, и белорусской национальной демократии в целом пришлось со временем заплатить высокую цену.

Во время избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР в 1989 году в Минске, Гомеле и других городах было избрано 18 кандидатов, получивших поддержку Фронта, в том числе проректор Белорусского государственного университета Станислав Шушкевич. Благодаря агитации БНФ не были избраны некоторые представители партийного истеблишмента. Однако в отличие от других республик СССР, ни один из руководителей БНФ сам не стал на этих выборах депутатом: они были либо исключены из борьбы «окружными собраниями», либо проиграли своим партийным конкурентам.

На выборах в ВС БССР в 1990 г. около 40 членов и сторонников БНФ, несмотря на жесткое противодействие коммунистической власти, стали депутатами парламента. Внушительное количество депутатов-демократов было избрано в Минский, Гомельский, Новополоцкий и другие городские советы. Именно в этот период БНФ собирал наиболее массовые митинги, в ходе одного из них (февраль 1990 года) тысячи манифестантов блокировали здание телевидения и вынудили дать прямой телеэфир лидерам Фронта для изложения своей позиции.

По инициативе депутатов - сторонников БНФ в ВС был образован Демократический клуб, «мягкое» образование, который посещали около 100 депутатов. Среди них были почти все ныне действующие политики, в том числе и близкий в тот период к национал-демократам директор совхоза на Могилевщине депутат А. Лукашенко. Кроме того, была создана парламентская оппозиция БНФ, насчитывавшая 37 депутатов и отличавшаяся высокой активностью, организованностью и дисциплиной. За время работы парламента часть членов оппозиции вступили в Социал -Демократическую Громаду (об этой партии будет сказано позже) и образовали фракцию Громады в количестве 12 депутатов. Тогда в рамках оппозиции была создана отдельная фракция БНФ.

37 депутатов в оппозиции БНФ - успех довольно скромный (около 10% депутатского корпуса). Но в специфической атмосфере этого времени именно эти 10% становятся как бы «стилистическими лидерами» в парламенте. Номенклатурно-партийное парламентское большинство, захваченное не подконтрольными и не понятными ему событиями, приходит в это время в полную растерянность и все больше и больше начинает задумываться, не воспользоваться ли ситуацией для захвата под свое, республиканское управление колоссальной общесоюзной собственности на территории БССР (о приватизации тогда еще никто не помышлял (12)) и не отгородиться ли от общесоюзного хаоса и разгула российской демократии, использовав те самые идеи суверенитета, за пропаганду которых они же преследовали БНФ (13). Многие же честолюбцы и карьеристы видят в это время в БНФ чуть ли не будущую партию власти и стараются сблизиться с ним (14).

Успехом БНФ и свидетельством его влияния в парламенте, не соответствующего численности депутатов БНФ, является избрание заместителем председателя ВС С. Шушкевича, поддерживаемого БНФ и близкого к нему (15) (конфликт между БНФ и Шушкевичем возник позже, в 1992 г., когда Шушкевич, уже - председатель ВС, не поддержал требования БНФ организовать референдум о досрочном роспуске ВС). 27 июля 1990 г., уже после Деклараций о государственном суверенитете, принятых российским съездом народных депутатов и ВС Украины (когда не принимать такую декларацию стало уже «неприлично»), ее принимает и белорусский ВС. С. Шушкевич сказал по этому поводу, что без России Декларации не было бы и что «...пример работы российского парламента нас здорово воодушевляет» (16).

Общий «климат» этого времени и идущие один за другим легкие успехи делают БНФ все смелее и решительнее. «Перестроечная» маска отбрасывается. На конференции БНФ 30 июня - 1 июля 1990 г. в Минске принимается Декларация о государственной независимости Белоруссии, где от Верховного Совета требуется денонсировать Союзный договор 1922 г. и не заключать новый, а также «подтвердить независимость Белоруссии согласно Третьей Уставной Грамоте Рады ВНР от 25 марта 1918 г.» (17), а в резолюции «Об отношении к КПБ» говорится, что БНФ «будет продолжать разоблачение антинародной и антигуманной сущности коммунистической системы» (18). 7 ноября 1990 г. БНФ организует альтернативную демонстрацию, в ходе которой З. Позняк подносит к статуе В. И. Ленина венок из колючей проволоки и говорит в своей речи, что «за всю историю человечества не было более кровавой, более зловещей фигуры, чем Ленин» (19). Но даже в это время лидеры БНФ не могли предполагать, что независимость Белоруссии совсем рядом, что она будет достигнута уже в 1991 г. (20)

Независимость Белоруссии принес провал московского «августовского путча», поддержанного белорусской партийной верхушкой, пришедшей после этого в состояние ужаса и полной деморализации (21). БНФ сразу и категорично осудил путч ГКЧП в Москве и 20 августа организовал митинг протеста на площади Ленина (ныне Независимости). После поражения путча под нажимом БНФ полностью растерявшийся парламент избрал председателем вместо скомпрометировавшего себя поддержкой путча Н. Дементя С. Шушкевича, «приостановил» деятельность компартии и придал Декларации о государственном суверенитете статус конституционного закона. Убеждая парламентское большинство возвести декларацию в ранг конституционного закона, Зенон Позняк заявил, что «новая российская империя, возрождающаяся в форме демократии, несет угрозу Беларуси» (22). И эти слова получают отклик в душе консервативной белорусской бюрократии, напуганной московской анархией и неуклюжими попытками ельцинского руководства задержать распад СССР («меморандум Вошанова»). Вчерашние приверженцы Союза теперь сами стремятся отгородиться от Москвы и судорожно имитируют белорусский патриотизм. В сентябре под влиянием БНФ парламент принял новые герб, флаг и наименование страны (Республика Беларусь). Символы, еще совсем недавно бывшие под запретом и считавшиеся «фашистскими», были признаны коммунистическим большинством официальной символикой (23). В декабре С. Шушкевич от имени Белоруссии подписывает Беловежские соглашения, положившие конец СССР и сделавшие Белоруссию полностью независимым государством.

Зенон Позняк с удовлетворением отмечает: «...большинство парламентариев, членов КПСС, сумели реально взглянуть на изменившуюся ситуацию. Перед лицом имперских амбиций у нас действительно возникли элементы национального согласия...» (24)

Однако даже на волне поражения путча Фронту не удалось склонить парламентское большинство к проведению досрочных выборов в Верховный Совет. В этом вопросе БНФ

не нашел поддержки и у нового спикера С. Шушкевича. Белорусская бюрократия, согласившись на некоторое время на идеологическое доминирование Фронта, отнюдь не собиралась делиться с ним властью. Зимой 1991/92 г. БНФ выступил с инициативой проведения общенационального референдума о досрочных парламентских выборах осенью 1992 г. В поддержку референдума было собрано 442 тысячи подписей. Тем не менее 1 октября 1992 года Верховный Совет при поддержке С. Шушкевича (что БНФ никогда не мог ему простить) предложение о референдуме отклонил. Это - первая крупная неудача БНФ, и с этого времени можно говорить о его отступлении.

Для того, чтобы понять последующее развитие партийной системы и вообще политического процесса в Белоруссии, мы должны подробнее рассмотреть идеологию БНФ. На III съезде (30-31 мая) 1993 г. была официально учреждена партия БНФ. При этом его структура и руководство Фронта-движения и Фронта-партии были одними и теми же. Фактически БНФ уже был партией, и формальное создание партии БНФ произошло на тот случай, если бы новый закон о выборах разрешал выдвижение кандидатов в депутаты только партиям.

На III съезде Фронта принимается новая программа, в которой утверждается равнозначность демократических и национальных задач, «права нации и права личности на самореализацию равнозначны» (25).

Главная цель БНФ, таким образом, та же, что у прибалтийских Фронтон - превращение Белоруссии в нормальное независимое национальное европейское демократическое государство, входящее во всякие европейские структуры, и т. д. и т.п. Но трагедией Фронта и глубоким внутренним противоречием в его идеологии и деятельности является то, что, возникнув вслед за прибалтийскими Фронтами и по их образу и подобию, БНФ действовал и действует в абсолютно иной среде, совершенно иной стране с иным народом. Соответственно все аспекты его деятельности и идеологии приобретают иной смысл, модифицируются «до неузнаваемости».

Белорусы - совсем не прибалты, а народ с очень слабым национальным самосознанием, мало отличающий себя от русских. Это и есть их своеобразие, их индивидуальность, и это ни на йоту не делает их «хуже» прибалтов (или немцев, французов, тех же русских), как не делает американцев или австралийцев «хуже» англичан то, что они говорят на английском, а не американском и австралийском, и австрийцев «хуже» немцев то, что они говорят на немецком. Но БНФ подходит к этому народу с мерками, которые ему не соответствуют. Основным парадоксом белорусского (и отнюдь не только белорусского) национализма является то, что, утверждая индивидуальное своеобразие своего народа, объективно он пытается сделать его «таким, как все», чтобы у него было все «не хуже, чем у соседей» - литовцев, поляков, русских. Задача эта -неимоверной трудности, значительно большая, чем задача прибалтийских Фронтон, которые опирались на уже существующее, реальное и сильное национальное самосознание, на память о независимости, на язык и добивались «всего навсего» независимости. БНФ же, исходя из своих базовых предпосылок, должен был стремиться к полному преобразованию своего народа, фактически - превращению его в совсем иной народ. Лидеры БНФ понимают всю неимоверную трудность этой задачи, но отказаться от нее не могут, ибо она диктуется их самыми глубокими, базовыми идеями и образами (26).

Другой парадокс белорусского национализма - в том, что, утверждая, как любой национализм, величие своего народа, но видя полное несовпадение эмпирической реальности и модели, он должен одновременно предельно низко оценивать реальный белорусский народ, который идеологи БНФ очень логично, исходя из идеи, что нормой

является четкое национальное самосознание, объявляют ненормальным, «глубоко и тяжело больным» (27). Слабость национального самосознания - болезнь, и задача исцеления естественным образом выходит на первый план, отодвигая все прочие. В своей речи на III съезде БНФ З. Позняк выдвигает следующую иерархию ценностей и последовательность задач: «Пока не будет возрождена здоровая жизненная основа, которая объединяет людей в культурный народ, консолидация невозможна. А без культурно-национальной консолидации недостижима свобода. А без свободы нельзя провести в жизнь никаких экономических реформ» (28).

Но такая иерархия ценностей естественно делает демократизм БНФ достаточно «условным». Вообще-то БНФ, конечно, за общество западного демократического типа. Но демократия возможна лишь у «нормальных» народов. А на практике, имея дело с народом «больным», БНФ не желал, например, спросить у него на референдуме, хочет ли он независимости и объявления белорусского языка единственным государственным (отлично понимая, что народ скажет: «нет») (29), и предпочитая навязывать народу независимость, язык, символику чуть ли не силой, в союзе с наиболее беспринципной частью белорусской номенклатуры (те, кто был попринципиальней, остались коммунистами).

При этом отсутствие достаточной опоры в исторической памяти и национальном сознании побуждает БНФ к усиленной «компенсаторной» мифологизации, к созданию конструкции истории еще более искусственной, чем советская - с битвой под Оршей как победой белорусского оружия над русскими захватчиками и т. д. Парадоксально, но вполне объяснимо, что опирающиеся на мощные стихийные антирусские чувства Национальные Фронты Прибалтики никогда не позволяли себе такого нагнетания русофобии, всякого рода сожжений «чучел москаля» и российского флага и не выдвигали, как БНФ, претензий на российские земли (30). Как мифологизируется прошлое, так тем более мифологизируется настоящее - в выступлениях лидеров БНФ постоянно объяснение всех бед и неприятностей происками российских спецслужб (совсем как в советское время все плохое объяснялось и сейчас объясняется лукашенковской пропагандой происками западных спецслужб). Эта агрессивность и эта мифологизация - порождения чувства слабости, изоляции от народных масс. Но они еще более усугубляют эту изоляцию, ибо народ совершенно не способен увидеть в русских захватчиков и знает, что независимость свалилась ему откуда-то (скорее всего - именно из Москвы) на голову, а не была достигнута его «национально-освободительной борьбой». То, что естественно и демократично (ибо опирается на поддержку большинства) в Прибалтике, приобретает в Белоруссии «искусственный», недемократический и болезненный характер.

И очень естественно, что и организационная структура БНФ также приобретает своеобразный характер - под внешне демократическими формами возникает внутривнутрипартийная диктатура «харизматического» лидера БНФ Зенона Позняка (31).

БНФ (и это-трагедия и его, и Белоруссии в целом) был вынужден всей логикой идеологии национального возрождения имитировать роль общенародного движения, реально оставаясь партией с относительно небольшой социальной базой. И внешние обстоятельства «подыгрывали» БНФ, который вроде бы идет от победы к победе. Но победы, достигнутые не демократическим путем, не народом, а скорее - над народом, оказываются непрочными.

БНФ скорее из прагматических соображений провозгласил себя партией. По логике его идеологии он - не партия, не часть народа (у которого много «частей» и много партий), а национально-освободительное движение, как бы движение всего народа, ориентированное

не на сосуществование с другими партиями и ротацию у власти, а на «тотальную» победу и радикальные преобразования общества. И к образованию новых партий БНФ относится с некоторой опаской и подозрительностью (32). Тем не менее этот процесс идет и более того - в 1990-92 гг. приобретает «взрывной» характер.

Истоки этого процесса - многообразны. Это - и слишком жесткий характер идеологии БНФ, слишком националистический, чтобы охватить всю белорусскую демократическую интеллигенцию, значительная часть которой не очень-то знает родной язык и не очень-то отличает себя от русских, и жесткая власть в БНФ Позняка, рядом с которым другим лидерам было «тесно» и «неуютно», но самое главное - «дух времени», когда казалось, что демократия уже пришла, коммунисты уже разбиты и надо спешить застолбить свое место в будущей демократической партийной системе.

В ноябре 1990 года на базе белорусских сторонников «Демократической платформы в КПСС» была создана Объединенная Демократическая партия: на учредительном съезде ОДП в партию объединились также ряд мелких партий (откуда и название). На II съезде в 1991 г. ее возглавил Александр Добровольский, народный депутат СССР. ОДП возникает не внутри БНФ, а «рядом» с ним, как партия чисто демократического, либерально-рыночного толка, занимающая «мягкую» позицию в отношении государственности белорусского языка и независимости и объединяющая русскоязычную интеллигенцию (33).

В феврале 1991 г. создается антиколхозная, «фермерская» Белорусская крестьянская партия, из которой, как и из ее российского аналога, ничего серьезного не вышло.

В марте 1991 года состоялся учредительный съезд Белорусской Социал - Демократической Громады - «исторической» партии, провозгласившей преемственность с Белорусской Социалистической Громадой, существовавшей в начале века. (Наряду с партиями, создающимися как имитации западных образцов, в этот период везде возникают партии, возрождающие старые «исторические» названия - в России возрождают кадетов, в Азербайджане - Мусават и т. п.) Если ОДП возникает независимо от БНФ, то образование БСДГ стало в некотором смысле расколом БНФ, ибо большинство ее членов ранее состояли в БНФ, председатель партии профессор Михаил Ткачев был заместителем председателя Фронта. В БСДГ ушла относительно умеренная и «истэблишментская» часть БНФ, недовольная антикоммунистическим радикализмом Фронта. В партию вступили и некоторые представители национально ориентированного истэблишмента, не состоявшие в БНФ. Но хотя между БНФ и БСДГ существовали значительные «стилистические» различия, в идеологическом смысле БСДГ не слишком отличалась от Фронта - это была скорее национально-демократическая, нежели социал-демократическая партия (34).

В июле 1991 г. регистрируется Национально-Демократическая партия Белоруссии, вроде бы - более жестко националистическая, чем БНФ, членами которой могли быть лишь лица, владеющие белорусским языком.

В июне 1991 г. проходит учредительная конференция, а в декабре - референдум Белорусского Христианско-Демократического Союза (35).

В конце 1991 г. группа космополитически настроенных интеллигентов, приверженцев «рыночной» идеологии, напуганная намечающимся разрывом связей с Россией, белорусизацией и тенденцией к сближению БНФ и вставшей на позиции «суверенитета» номенклатуры (36), примкнула к созданному Г.Поповым Движению за демократические

реформы и создала организацию ДДР - Демократическую Беларусь, зарегистрированную в феврале 1992 г. Как и из российского ДДР, из белорусского ничего прочного не получилось. Позже часть его участников войдет в ОПП, часть же в 1996-1997 гг. предпримет попытку возродить идею пророссийской демократической партии, создав белорусское «Яблоко».

В 1992 г. возникает Партия Народного Согласия (ПНС) - в значительной мере «под» яркую фигуру своего лидера, депутата ВС популярного мэра города Молодечно Геннадия Карпенко, которому тогда пророчили блестящее политическое будущее (37). В нее вошло много представителей управленческой элиты, так сказать, «средней руки», которых отпугивал радикализм БНФ и необходимость в нем учить белорусский язык и которым не нашлось «достойного места» во властных структурах. Хотя лидеры ПНС широко пользовались демократической риторикой, идеология ее была абсолютно невнятной. (Впоследствии главный лидер ПНС Г. Карпенко окажется изгнанным из ее рядов, а ряд лидеров второго эшелона станут «соратниками» Лукашенко.)

Из этих партий ОДП и ДДР-ДБ представляли собой попытки оппозиционно оформить чисто либеральное крыло национально-демократического движения, что в конечном счете привело к созданию Объединенной Гражданской партии. Это совершенно закономерный процесс, ибо национальная и демократическая составляющие национал - демократии не тождественны, между ними есть противоречия, и как национализму, так и «чистому» демократизму принадлежат «законные» места в белорусском политическом поле, места, находящиеся «рядом», но не сливающиеся.

БСДГ - это умеренное, «истэблишментское» крыло БНФ, скорее мимикрирующее под социал-демократию. ПНС - партия с совершенно неопределенным лицом, тоже несколько «социалистическим». Достаточно определенного «места» в белорусской системе политических размежеваний у этих партий не было, что, на наш взгляд, видно из их последующей истории, полной «зигзагов» и расколов, связанных с поисками такого органического «места».

Такие же партии, как БХДС, БКП, НДПБ, - в основном «умозрительные» и карликовые образования, которым явно не соответствует какое-либо определенное «место», как не нашлось его и для множества аналогичных образований, возникших в это время в России (где только христианско-демократических партий было целых три).

Между этими новыми демократическими партиями и БНФ ведется сложная игра. Партии предлагают БНФ разного рода альянсы, стремясь тем самым поднять свой «статус», выступая как равные партнеры БНФ (и соответственно - опустить статус БНФ до уровня «одного из многих»). БНФ это понимает и на альянсы не идет. В начале 1992 года Громада выступила инициатором создания широкого блока «Новая Беларусь», в котором предполагалось объединить все демократические партии и профсоюзы, в том числе и официальные. Эта идея столкнулась с резким противодействием БНФ, который усмотрел в блоке «реанимацию небольшого лозунга «консолидации», всеобщего искусственного единства» (38). В конце 1992 года было создано постоянно действующее Консультативное совещание демократических и патриотических сил. БНФ согласился участвовать в совещании лишь в качестве наблюдателя.

3. Возрождение «левых». Становление партийной системы. Ее слабость

Все организации, о которых говорилось выше, - БНФ, ОДП, БСДГ и др. при всех своих различиях относительно близки друг другу. Социально все это - организации «интеллигентские» и в основном - «минские», идеологически они занимают два не сливающихся, разных, но все же находящихся «рядом» «места» в белорусском политическом поле - национальное и демократическое. Но поле к ним не сводится, в нем есть и другие «места».

Было бы наивно предполагать (хотя на деле многие именно это и предполагали), что советская система просто исчезнет, не оставив после себя тех, кто продолжает быть ей предан, кто вспоминает о ней с ностальгией и мечтает о ее возрождении. Тем более было бы смешно предполагать, что это будет в Белоруссии, где падение советской системы произошло скорее под воздействием внешних сил и событий. И тем не менее какой-то период времени (с августа по декабрь 1991 г., со времени приостановления деятельности КПБ-КПСС и до возникновения ПКБ) весь этот, условно «левый», участок белорусского политического спектра вообще не был заполнен и у демократов разного типа и толка, создающих партии и борющихся друг с другом, существовала иллюзия, что организованными политическими силами будут только они и их борьба есть борьба за всю Белоруссию, за белорусский народ, ставший «электоратом». Существовала даже идея (в Белоруссии - более гротескная, чем где-либо) «суда над КПСС». Судьями и обвинителями на таком «процессе» в стране, не знавшей диссидентского движения, могли бы быть лишь вполне лояльные в прошлом граждане советской Белоруссии (39).

Но этот период длился относительно недолго. Уже 7 декабря 1991 года в Минске был созван съезд, на котором 320 делегатов учредили Партию Коммунистов Беларуси. На съезде были приняты устав и программное заявление. Надо сказать, что большинство бывших партийных руководителей, сплотившихся вокруг премьер-министра В. Кебича в организационно никак не оформленную, но достаточно мощную и прочную «партию власти», вначале с испугу в какой-то мере перекрасившихся в белорусских патриотов, но постепенно оправляющихся и приходящих в себя, отнюдь не горели желанием возродить компартию. Инициаторами создания новой компартии стали функционеры низшего и среднего звена прежней компартии (Виктор Чикин, Сергей Калякин, Василий Новиков и др.). Съезд прошел чуть ли не подпольно - инициаторы боялись, что власти его сорвут, и до последнего часа держали в тайне место его проведения, так что делегаты в автобусах не знали, куда едут (40).

В 1992 году была создана парламентская фракция ПКБ. Большинство во фракции составляли депутаты, избранные от ветеранской организации и от организаций инвалидов (выборы от этих организаций были предусмотрены белорусским Законом о выборах). В нее входили всего 58 депутатов, причем лишь 12 из них состояли в ПКБ, и власть в лице Кебича и тем более спикера Шушкевича от них дистанцировалась.

Фракция ПКБ многократно предпринимала попытки легализовать прежнюю компартию, и 14 февраля 1993 года эти попытки увенчались успехом: поскольку расследование прокуратуры не подтвердило факт участия КПБ в заговоре ГКЧП, Верховный Совет Беларуси отменил свое решение о временном приостановлении деятельности КПБ.

Однако если лидеры разрешенной КПБ (бывший первый секретарь Анатолий Малафеев и др.) предлагали объединение двух партий, то руководители ПКБ, естественно, предпочитали включение КПБ в ПКБ. Состоявшийся 25 апреля 1993 года 32-й съезд КПБ констатировал победу «младокommunistов» из ПКБ. Окончательно судьбу возрожденной компартии решил II съезд ПКБ (29-30 мая 1993 г.), на котором была оформлена инкорпорация прежней партии в новую. Ни один из представителей руководства прежней компартии не вошел в состав руководства ПКБ.

В отличие от демократов, партии которых в основном базируются в Минске, компартия, возродившись, завоевала весьма прочные позиции на региональном уровне - до ноября 1994 года 25 городских и районных советов Белоруссии возглавляли коммунисты.

В программе ПКБ в качестве одной из основных целей партии провозглашалось воссоздание СССР. Но СССР был не только социалистическим государством. Это было еще и формой продолжения существования Российской империи. Соответственно и тяга к его возрождению имеет две стороны, два аспекта - коммунистический и «имперский», русско-националистический. Эти «аспекты» также находятся рядом, но не тождественны друг другу, не сливаются, как находятся «рядом», но не сливаются два аспекта антисоветского движения (демократический и «не русский» националистический). Естественно, что для «имперской» реакции на распад СССР есть большое и «законное» место в России, заполненное здесь ЛДПР, РОС, Русским Национальным Собором и другими такого рода организациями, но нет места в других республиках (если не говорить о русских меньшинствах в них), где национализм имеет антиимперский и антироссийский вектор. Однако Белоруссия с ее специфическим «полурусским» самосознанием - исключение. В Белоруссии есть люди и их не так уж мало, которые, будучи «паспортными» белорусами, ощущают себя скорее частью русского народа, отождествляют себя скорее с русским, чем с белорусским государством, и переживают распад СССР не как гибель социалистического государства, а как гибель великой русской империи. Это, так сказать, «белорусы - русские националисты», считающие, как говорит один из лидеров их движения профессор В. Акулов, что «у нас равное право называться русскими» и что русский язык не является достоянием исключительно великороссов» (41). Они образуют особое «место» в белорусском политическом поле, и это место также заполняется в 1992 г.

Наиболее известной из «куста» некоммунистических организаций, ставящих своей целью государственное объединение славянских народов под эгидой России, является партия Славянский Собор - «Белая Русь» (ССБР). Партия ССБР была образована в июне 1992 года. Своей целью она ставит «создание Славянского сообщества, ядром которого стало бы общее для славяно-русских народов государство - Соборная Русь». Это образование по замыслу должно объединить земли, на которых живут русские, белорусы и украинцы, «образующие единый славяно-русский этнос». Соответственно, программа партии провозглашает, что «Путь на Запад - это путь в никуда!» (42). В партийных документах и литературе ССБР широко используются модные сейчас в России «геополитические» и «цивилизационные» концепции. С момента своего создания партия последовательно выступала за придание русскому языку статуса второго государственного.

В руководстве партии преобладают вузовские преподаватели и научно-техническая интеллигенция. Лидер Собора Николай Сергеев и ряд других руководителей - русские. Но это - отнюдь не партия русского меньшинства, а именно партия «белорусов - русских националистов».

Партия активно сотрудничает со своими российскими единомышленниками, в первую очередь с Русским Национальным Собором, который возглавляет Александр Стерлигов. Естественно, что основная надежда партии - на «национальное возрождение» России, роль же Белоруссии в ее планах - скорее как катализатора этого процесса. «Силы национального возрождения в России, нравится это кому-либо или нет, - говорит Н. Сергеев, - уже разбужены, и некоторым господам не стоит торопиться с похоронами России как великой державы» (43).

ССБР был одним из инициаторов создания весной 1993 года Народного Движения Беларуси (НДБ), объединившего как коммунистов (впоследствии из НДБ ушедших), так и панславистские организации (аналог российского «красно-коричневого» блока). Во главе НДБ встал заместитель председателя Фонда социальной защиты военнослужащих С. Гайдукевич, в 1994 г., после его распада, возглавивший маленькую Либерально-демократическую партию Белоруссии, созданную по образцу ЛДПР Жириновского и даже издававшую по примеру «Правды Жириновского» «Правду Гайдукевича». Идея восстановления СССР, «воссоединения славянских народов» была политическим стержнем, объединяющим организации, входящие в НДБ.

В сентябре 1993 года Движением был организован представительный Конгресс народа Беларуси, который призвал «признать политической ошибкой соглашения о создании СНГ, приступить к образованию военного, экономического и политического союза братских республик, а затем к созданию единого государства» (44).

Представители компартии и НДБ в парламенте сыграли существенную роль в отстранении от власти председателя ВС Станислава Шушкевича в январе 1994 года. Поводом к отставке была выдача Литве двух лидеров подпольной литовской компартии, которых прятали в Минске белорусские коммунисты, а также ложные обвинения в коррупции, выдвинутые против Шушкевича А.Лукашенко. В 1993-1994 годах НДБ и коммунисты горячо поддерживали усилия тогдашнего премьера Беларуси Кебича по созданию денежной унии Беларуси и России; представители Движения активно лоббировали эту идею в белорусском и российском парламентах (45).

Может создаться впечатление, что к 1992 г. в Белоруссии сложилась законченная партийная система. В самом деле, все главные «места» политического спектра - белорусский национализм, либерализм, коммунизм и русский национализм - «панславизм» оказались заполненными. Других жизненных, мощных, вытекающих из самой природы белорусского общества идей, других «мест», казалось бы, просто нет. И тем не менее эта вроде бы всеохватывающая политическая система была очень слабой и непрочной.

Прежде всего, ни одна из партий не находилась у власти, которая была абсолютно «беспартийной». Здесь - принципиальное отличие Белоруссии от России и Украины, где у власти оказались люди (Ельцин и Кравчук), пусть беспартийные, но отождествившие себя с определенными идеями (Ельцин - построения в России «буржуазной демократии», Кравчук - построения независимого украинского государства). У белорусской же «партии власти» не было вообще никаких идей и никакой четкой позиции. Это были просто оппортунисты. Вначале они винили во всех экономических трудностях Москву и

стремились уберечь себя от российской демократии, пойдя на «суверенизацию» и «белорусизацию». Но и провозглашение независимости, и объявление белорусского языка государственным, и запрет КПБ были скорее актами трусости. Никакого национального чувства, сознания своей исторической миссии, которые так переполняли, например, Кравчука, у них не было. Когда же независимость обернулась еще большим унижением народа, тот же Кебич, в 1991 г. винивший во всем союзный центр, стал обвинять во всем распад СССР, искать союза с Россией и сближаться с коммунистами и «панславистами».

Никаких партийных структур эта «партия власти», признанным главой которой стал премьер В. Кебич, в силу своей безыдейности и оппортунизма не создала и не могла создать. (Единственной партией, которая в какой-то мере являлась партией, близкой к власти, была созданная в 1992 г. партия «председателей колхозов»-Аграрная партия, лидер которой Семен Шарецкий в 1993-94 гг. был советником Кебича по сельскому хозяйству.) (46). Но это не мешало ей быть достаточно сплоченной, но не идеологией и не формальной структурой, а корпоративными интересами и личными связями. В. Гончар (белорусский политик демократического толка, одно время близкий к Лукашенко, но затем порвавший с ним) очень ярко, на наш взгляд, сказал о В. Кебиче, назвав его «человеком команды... спаянной и сплоченной на пикниках и в саунах» (47). В ВС Кебич опирался на большинство и на самую крупную фракцию, куда входила почти половина депутатского корпуса, - созданную в 1993 г. «под него» фракцию «Беларусь». В Москве Кебич установил прочные «дружеские» связи с В. Черномырдиным, чем он очень гордился, видя в российском премьерe нечто вроде «патрона». (Есть фотография, на которой Кебич и Черномырдин в машине и, очевидно, прощаются. Кебич целует Черномырдина со страстью и силой, а Черномырдин пытается освободиться.)

Получив поддержку в Москве, демократические власти которой при ближайшем рассмотрении оказались не такими уж страшными, и видя, что БНФ - не так уж силен и его агрессивность порождает антинационалистическую реакцию, «партия власти» смеется и переходит в наступление. С. Шушкевич, который раньше выполнял функции своего рода «буфера» и посредника между «партией власти» и демократами, становится не нужен и заменяется на посту председателя ВС М. Грибом, фигурой чисто номенклатурной (48). Для окончательного же закрепления своей власти белорусская номенклатура решает ввести пост президента, на который, естественно, предназначается ее лидер В. Кебич (49).

В Белоруссии складывается очень своеобразная ситуация. БНФ и демократы в целом - слабы и прийти к власти ни сами по себе, ни даже в союзе с номенклатурой не смогли. «Партия власти» - совершенно оппортунистична и не идеологична. Но в этих условиях, как это ни парадоксально для самой «советской» республики бывшего СССР, относительно слабыми оказываются и коммунисты, в основном поддерживающие, как и «панслависты», Кебича. Если бы у власти были реальные противники коммунистов, как в России или на Украине, коммунисты аккумулировали бы всю энергию протеста, росли бы за счет неудач и трудностей власти. Но в Белоруссии у власти были просто «никто» и протест принял совсем иную форму,

Между тем недовольство народа росло. Жить становилось все труднее. Белорусизация вызывала раздражение, как раздражение вызывали и сами неожиданно, непонятно откуда возникшие белорусская независимость, государственная символика, недавно считавшаяся фашистской, пограничные столбы на российско-белорусской границе. Оппортунистическая власть не вызывала уважения, и даже сама белорусская государственность не ощущалась полностью легитимной.

Идеологическая направленность этого протеста очевидна. Это - протест против капитализации и национализма, стремление «назад в СССР». Но коммунисты, не противопоставляющие себя четко Кебичу, которые сами - где-то «рядом» с властью, использовать его не могут. И так как власть не была партийной, так и протест принял непартийную форму. Более того, он принял, если так можно выразиться, «антипартийную» форму протеста против самой системы партий и институтов, в которых они функционируют, которые все в народном сознании состоят из «жулья», людей нечестных и думающих только о власти и деньгах.

4. Пришествие Лукашенко. «Я не с левыми и не с правыми, я с народом». Кризис партий

15 марта 1994 года новый спикер парламента Мечеслав Гриб подписал Конституцию независимой Белоруссии. Конституция предусматривала учреждение поста президента страны с весьма широким кругом полномочий. Вокруг этого положения при обсуждении Конституции развернулись бурные баталии. Оппозиция БНФ выступала за парламентскую республику. Но возобладала точка зрения проправительственного большинства, стремившегося укрепить власть Кебича. которому, как полагали, пост президента был обеспечен (50). Во время голосования в парламенте по разделам проекта Конституции об устройстве государственной власти лидер фракции ПКБ голосовал против учреждения поста президента. Остальные же члены фракции поддержали проект, что было нарушением партийной дисциплины, поскольку, согласно программным документам, партия выступала за власть Советов и против президентства.

Был дан старт президентской кампании. Единственным кандидатом «партии власти» стал премьер Вячеслав Кебич. БНФ выдвинул своим кандидатом Зенона Позняка. Социал-демократы и ОДП поддержали кандидатуру экс-спикера Станислава Шушкевича. (Поначалу социал-демократы были готовы оказать поддержку параллельно и популярному мэру города Молодечно Геннадию Карпенко. Однако после того, как Карпенко публично нелестно отозвался о Шушкевиче, депутаты фракции БСДГ отозвали свои подписи и Карпенко даже не был зарегистрирован кандидатом.)

Согласия не было и на «левом» фланге. Коммунисты выдвинули своего кандидата - секретаря ЦК Василия Новикова. Совершенно неожиданно самостоятельность проявила и Аграрная партия, выдвинув в президенты председателя крупного колхоза на Гродненщине Александра Дубко.

И наконец, ряд организаций, входивших в НДБ (Славянский Собор, Союз офицеров), поддержали кандидатуру депутата Александра Лукашенко, популярность которого начала стремительно расти после того, как он выступил в парламенте с антикоррупционным докладом (51).

НДБ распалась: часть мелких организаций и лидер Движения Сергей Гайдукевич сделали ставку на Кебича, коммунисты - на Новикова, Славянский Собор - на Лукашенко (52). Во второй тур вышли Кебич и Лукашенко. БНФ рекомендовал своим сторонникам не участвовать во втором туре голосования, компартия призывала людей идти на выборы и вычеркивать обоих кандидатов. Но 10 июля с сокрушительным результатом (80% от принявших участие в голосовании) президентом Беларуси был избран Александр Лукашенко (53).

В образе А. Лукашенко соединились два компонента, по-разному способствовавших его фантастической победе, каждый из которых имеет аналогии в других политических фигурах посткоммунистического мира, но вместе образуют уникальную комбинацию.

Во-первых, А. Лукашенко, как он постоянно говорил,- единственный депутат, голосовавший против Беловежских соглашений, сторонник интеграции с Россией и противник «дикого капитализма» и народнофронтовского национализма. Таким образом, его победа может рассматриваться в ряду многочисленных «реакций» на крайности национализма и на некомпетентность демократических лидеров, прокатившихся в 1993-1994 гг. по постсоветскому пространству (победы Бразаускаса, Кучмы, Алиева, Шеварднадзе, успехи «народно-патриотических» сил в России и др.).

Во-вторых, А. Лукашенко - «харизматик», не опирающийся не на какую организованную силу, человек из народа, неподкупный, откровенный, смелый, решительный (мы говорим здесь не о человеке, а об имидже), противостоящий «элите», «истэблишменту». Этим он резко отличается от всех иных лидеров «реакций» этого периода, которые как раз - фигуры элитарные, «номенклатурные», и может рассматриваться в совсем ином ряду периодически возникающих в взбаламученном посткоммунистическом мире харизматиков, угрожающих всей системе политической власти и партий, таких, как С.Тыминьский в Польше 1990 г., А. Лебедь в России 1996 г., отчасти В. Жириновский в 1993 г. (54)

В этом сочетании реакционного (мы употребляем это слово не оценочно, не как ругательство), ностальгического протеста против перемен с элементами «популистской революции», направленной против элиты, истэблишмента, - источник мощи и победы Лукашенко (55). И в этом же - уникальность политической ситуации Белоруссии, страны, к которой, как ни к одной другой, события рубежа 80-х и 90-х гг. - независимость, падение КПСС, переход к рынку - пришли без подготовки, как серия иррациональных «стихийных бедствий», которая так хотела бы вернуться к «нормальной жизни» и так разочаровалась в своих элитах и во всех своих партиях.

Выборы продемонстрировали слабость всей белорусской партийной системы, которая вся целиком оказалась «оторванной от народа», не проникла в народную толщу и существовала в искусственном мире, всю неадекватность реальной жизни партийных интриг, споров и комбинаций. Уже в первом туре все кандидаты, поддерживаемые партиями II представляющие артикулированные политические силы (Позняк -БНФ, Шушкевич - ОДП + БСДГ, Дубко - АП. Новиков -ПКБ), выбывают из игры. Остается кандидат, олицетворяющий беспартийную «власть вообще», и кандидат, олицетворяющий тоже беспартийный протест против власти, причем кандидат - символ протеста на голову разбивает кандидата - символа власти.

Поразительным фактом является то, что Лукашенко, вождь «народной революции», идеологически очень мало отличался от своего, вроде бы. главного антагониста, вождя «партии власти», премьера Кебича (56). Особенно ярко и гротескно это проявилось потом, когда Лукашенко пытался сделать именно Кебича. которого он раньше обещал, став президентом, посадить в тюрьму, спикером Верховного Совета и, выкинув группу первоначально примыкавших к нему интеллигентов, видевших в нем альтернативу «застойности», «затхлости» кебичевского периода и рассчитывавших, что станут его «направлять» (57), окружил себя нормальными представителями кебичевской номенклатуры (58). Оба не опирались на партии. Оба не имели никакой внятной идеологии, оба на протяжении своей политической карьеры проделали сложную эволюцию, меняясь в соответствии с «духом времени». В 1990-91 гг. оба - чуть ли не демократы, противники центра и патриоты Белоруссии, к 1994 г. оба стали горячими сторонниками объединения с Россией. Оба - близкие к коммунистам, но не коммунисты.

Противостояние Лукашенко и Кебича было не противостоянием идей и программ, а противостоянием символов и имиджей: человек из народа - человек из номенклатурной элиты, честность - коррумпированность, твердость и железная воля - нерешительность, противостояние, которое можно назвать «социально-стилистическим».

Но «стиль» - вещь очень важная, и стиль в политике, как и в произведении искусства, неотделим от содержания. Если бы победил Кебич, его политика была бы очень похожа на лукашенковскую - та же интеграция с Россией, та же медленность в рыночных реформах и даже, наверное, та же попытка подчинить себе парламент и Конституционный Суд (нет в СНГ президента, который не вступал бы в конфликт с другими ветвями власти). Но Лукашенко вносит сюда страстность и напор, которые ломают всю систему политических институтов, чего, несомненно, при Кебиче не было бы.

Лукашенко сразу же начинает бороться. И бороться не столько «за» что-то, сколько «против» - против всех сил, мешающих его (и народа) свободному волеизъявлению, стоящих между ним и народом и ограничивающих его власть. А в эту категорию, наряду с бюрократией, независимыми судом, прессой, предпринимательством, парламентом, попадают, естественным образом, и партии. И не какие-то определенные партии, а просто партии, как не зависящие от президента и потенциально ограничивающие его силы, которые уже были ослаблены самими результатами выборов 1994 г. и значение которых белорусский президент стремился вообще свести к нулю. Еще в апреле 1994 г. в ходе избирательной кампании А. Лукашенко говорит: «Нынешний пакет законов о приватизации Верховный Совет принял «под себя», поскольку депутаты знали, что они первыми прибегут к кормушке... У этой кормушки все хрюкают одинаково - и красные, и белые» (59).

Лукашенко «с ходу» вступает в конфликт с ВС. Но при этом к идее новых выборов и нового ВС он относится довольно прохладно. Ему вообще хочется править без всякого парламента. Но если уж новый ВС возникнет, Лукашенко нужно, чтобы он был как можно более удобным для него по составу, а это значит - минимально партийным. В это время ВС пытается ввести новую, аналогичную российской системе выборов, частично мажоритарную, частично по партийным спискам. Лукашенко не дает сделать это - партийные списки ему не нужны. Более того, он издает Указ «об обеспечении равных возможностей граждан при подготовке и проведении выборов депутатов Верховного Совета Республики Беларусь», ограничивающий возможности агитации.

Одновременно Лукашенко, для того чтобы переключить внимание с парламентских выборов и парламента на себя, для обеспечения «правильного» состава парламента и укрепления своих позиций в будущем противостоянии с парламентом (которое он, естественно, предвидел) решил в день выборов провести референдум по четырем вопросам - о равном статусе русского и белорусского языков, о смене символики на модифицированную советскую, об углублении экономической интеграции с Россией и о праве главы государства распускать парламент в случае нарушения им Конституции. Согласие на референдум старого деморализованного парламента было вырвано буквально силой, после того как омоновцы и люди из охраны президента вышвырнули из здания заседавших там и объявивших голодовку в знак протеста депутатов оппозиции.

Партиям ничего не остается делать, как начать подготовку к референдуму и выборам.

В 1994 - первой половине 1995 г. коммунисты занимают по отношению к президенту, идеологически близкому к ним, позицию, аналогичную той, какую они занимали по отношению к Кебичу, - «поддержки конкретных шагов», причем как раз шагов наиболее

важных. В частности, они приветствовали усилия главы государства, направленные на сближение с Россией, и поддержали референдум, инициированный президентом, но только по первым трем вопросам. В конце декабря 1994 года на ассамблее левых сил была оформлена предвыборная коалиция семи родственных политических организаций, основу которой составили АП и ПКБ. С основным докладом о концепции коалиции выступал на ассамблее председатель АП Семен Шарецкий. В совместном «Обращении политических партий и общественных организаций социалистической ориентации к народу Беларуси», принятом на ассамблее, были изложены основные цели коалиции, в целом - вполне соответствующие целям Лукашенко: «...коренным образом изменить сущность экономических реформ, направив их на освобождение от зависимости от западных монополий... С созданием благоприятных условий проводить политику, направленную на воссоздание союза республик, ранее входивших в СССР» (60). Славянский Собор и другие «панслависты» не вошли в левый блок. предпочтя идти на выборы самостоятельно.

Процесс образования блоков происходил и на противоположном фланге. Еще в октябре 1994 года Народный Фронт и Социал-Демократическая Громада заключили между собой соглашение, поделив округа: округ, в котором на президентских выборах больше набрал Зенон Позняк, отходил БНФ, округ, где лидера Фронта опережал Станислав Шушкевич, - Громаде. Уже в январе 1995 года к блоку БНФ-Социал-демократы присоединились еще несколько мелких демократических партий.

Однако, как и на президентских выборах, демократам не удалось прийти к согласию. В предвыборных торгах на демократическом фланге ключевой фигурой снова оказался бывший кандидат в президенты, председатель Партии Народного Согласия Геннадий Карпенко - политик с репутацией демократа, большим управленческим опытом и широкими политическими связями. БНФ предлагал ему союз, но Карпенко предпочел не связываться с организацией, имеющей большой отрицательный электорат. По инициативе Карпенко в феврале был создан еще один блок - «Гражданское Согласие», в который вошли ПНС, ОДП и образованная в конце 1994 года Гражданская Партия, представляющая собой группу русскоязычных интеллектуалов, в основном ранее входивших в Движение демократических реформ. Зенон Позняк расценил создание нового блока как происки российской разведки (61). Однако накануне выборов «Гражданское Согласие» практически развалилось - ОДП и ПНС выдвигали своих кандидатов без согласования друг с другом.

Несмотря на высокую активность в составлении партийных комбинаций, ни один блок, однако, перед весенними выборами не стал официально регистрироваться в Центризбиркоме, беря на себя обязательство выдвигать в каждом округе по одному кандидату.

14 мая на референдуме президент Лукашенко одержал победу по всем четырем вопросам. И результаты выборов соответствовали результатам референдума: во второй тур выборов вышло 44 представителя национально-демократического блока, еще 20 - демократического блока «Гражданское Согласие», 93 коммуниста и 42 агрария. Очень характерно, что те же, кто голосовал за коммунистов и аграриев на выборах в парламент, проголосовали против позиции этих партий на референдуме по вопросу о полномочиях президента. Избиратель показал, что он поддерживает коммунистов лишь до тех пор, пока они поддерживают президента.

Голосование 28 мая подвело итог первому раунду парламентских выборов: было избрано 119 депутатов из 260. Из них 27 - от компартии, 30 - от аграриев, 5 - от ПНС, 1 социал-демократ. БНФ и ОДП не сумели провести в Верховный Совет ни одного своего

кандидата. Никакого энтузиазма по поводу успеха коммунистов Лукашенко не выразил, заявив, что в парламенте «красные» очень скоро станут «синими» (62). Коммунисты же, хотя их лидер В. Новиков и заявил: «Мы пришли в ВС на помощь президенту, за нас голосовали те же люди, что и за него», - не отказались от своего программного лозунга о полновластии Советов, и их лидеры говорили о том, что при благоприятной расстановке сил в ВС будут добиваться упразднения поста президента (63).

Поскольку избранный 28 мая депутатский корпус насчитывал менее чем 2/3 от общего числа мест в ВС, по закону он не мог приступить к работе. Президент Лукашенко настаивал на том, чтобы прежний парламент изменил Закон о ВС, снизил кворум правомочности парламента с 2/3 до 2/5 и дал дорогу новому парламенту, заявляя, что прежний парламент после выборов утратил свою легитимность (64). Было прекращено финансирование парламента, президент отказывался подписывать принимаемые законы. Между тем новые депутаты, среди которых задавали тон аграрии и коммунисты, отказывались от предложения президента объявить себя новым парламентом - они опасались, что в случае конфликта с исполнительной властью президент немедленно вспомнит о «неполноценности» нового законодательного органа. Александр Лукашенко объявил, что если достаточное количество депутатов не будет избрано и в ходе второго раунда выборов, то выборов больше не будет в течение ближайших 5 лет, а он введет в стране президентское правление.

Коммунисты и аграрии в какой-то мере могли чувствовать себя «на коне», хотя уже начали понимать, что идеологическая близость к ним президента и даже - поддержка избирателей ничего им, как партиям, не дает. Более того, президент «перехватил» их электорат, продемонстрировав, что в случае его конфликта с ПКБ этот электорат выберет его, президента, и что он в ПКБ не нуждается.

Но для демократических партий итоги выборов были просто шоком. Особенно сильным шок оказался для БНФ. Впервые в рамках движения образовалась оппозиция курсу председателя Зенона Позняка, заговорили об личной ответственности лидера за провал на президентских и парламентских выборах. На Сойме БНФ, который состоялся вскоре после выборов, было высказано предложение разделить Фронт на движение и партию. Смысл этого предложения заключался в мягком отстранении от реальной внутривластной власти харизматического лидера БНФ: он, по замыслу, должен был остаться номинальным председателем движения, а партию должен был возглавить другой, более прагматичный политик. Дискуссия была продолжена на IV съезде БНФ (8 июля 1995 года), где звучала довольно резкая критика лидера и прежней политики. Однако возобладала иная точка зрения. Василь Быков, назвав Позняка «отцом, инженером и создателем Фронта», высказался категорически против его отставки: «Потеряв его, Фронт потеряет все». Сам Зенон Позняк заявлял, что Фронт должен стать партией с более жесткой дисциплиной: «чтобы противостоять антидемократическому режиму, Фронт должен быть сильным и неделимым» (65). В конце концов Позняк в очередной раз был избран председателем и партии, и движения БНФ, а группа оппозиционно настроенных лидеров (Валентин Голубев, Виктор Ивашкевич, Владимир Анцулевич) покинули руководство Фронта.

Руководители ОДП и Гражданской партии сразу же после выборов взяли курс на объединение и привлечение в свои ряды известных политиков. 30 сентября состоялся объединительный съезд, на котором была учреждена Объединенная Гражданская Партия. Лидером новой партии стал вступивший в нее на съезде Станислав Богданкевич, незадолго до этого уволенный президентом с поста председателя Национального Банка. Станислав Богданкевич считался наиболее последовательным сторонником рыночных реформ в высшем руководстве страны. Заместителями Богданкевича стали Александр

Добровольский и Василий Шлындиков. На съезде в новую партию вступили Александр Соснов, министр труда, Геннадий Карпенко и Виктор Гончар, ушедшие из ПНС, и Анатолий Лебедев, в прошлом советник президента Лукашенко. В предвыборной платформе партии было сказано: «Мы считали и считаем, что нет никакого своеобразного белорусского пути... Платформа... предусматривает: резкое сокращение государственных расходов, решительную рыночную реформу, сведение до минимума государственного протекционизма в отношении отдельных отраслей... Белорусский народ - это граждане Беларуси всех этносов, считающие ее своей родиной. Граждане имеют право выбирать язык воспитания и обучения своих детей» (66).

Создание ОГП завершило организационное оформление белорусских либералов, начавшееся еще в позднеперестроечную эпоху. Как БНФ прочно занял националистическое «место» белорусского политического поля, так ОГП - либеральное «место». Значительно сложнее обстоят дела у ряда партий «социалистической» направленности, мечущихся между БНФ, ОГП и даже - Лукашенко, что заставляет думать, что специфически социалистического «места» в белорусском поле (как, похоже, и в российском) - нет.

Неутешительные итоги выборов повлекли у социал-демократов смену руководства партии. На III съезде БСДГ (1 июля 1995 года) новым председателем партии был избран подполковник запаса Николай Статкевич. До этого времени Статкевич возглавлял запрещенное в 1994 году Белорусское объединение военнослужащих (БЗВ), за участие в БЗВ в 1993 году он был уволен в запас: «за дискредитацию офицерского звания». Несмотря на репутацию и имидж радикала, Статкевич в прошлом продемонстрировал недюжинные способности посредника, не раз выступая инициатором образования различных объединений демократических сил. Возможно, именно за склонность к созданию разнообразных политических коалиций социал-демократы и избрали его своим новым лидером. После избрания он сразу объявил о желательности создания широкого социал-демократического движения, включающего в себя достаточно разные силы. Избрание Статкевича стало победой партийного крыла, которое с большим подозрением относится к тесным контактам с БНФ.

В рамках Партии Народного Согласия после избрания президента плюрализм приобрел невероятные формы. Лидер партии Геннадий Карпенко резко критиковал президента, в то же время многие члены партии вошли в структуры президентской власти, а заместитель председателя партии Василий Долголев был даже назначен главой контрольной службы администрации президента. На выборах в мае 1995 года успех сопутствовал лишь 5 кандидатам ПНС, причем все они были сотрудниками контрольной службы. Сразу после неудачи на выборах Геннадий Карпенко подал в отставку с поста председателя ПНС. Отставка была принята, бывшего председателя обвинили в попытке вовлечь ПНС в предвыборный блок с чуждыми ей по идеологии либеральными ОДП и ГП (67). Партию возглавил депутат нового парламента, начальник президентской службы контроля по Гомельской области Леонид Сечко. Летом Сечко и Статкевич подписали от имени своих партий декларацию о создании Социал-Демократического Союза (СДС). В начале осени был оформлен предвыборный блок, а затем - в начале 1996 г. БСДГ и ПНС объединились в одну Белорусскую Социал-Демократическую Партию «Народная Громада». Статкевич и Сечко стали ее сопредседателями. Одни члены этой партии, как В. Долголев, продолжали службу у президента, другие, как Леонид Сечко и другие, бывшие президентские контролеры, ставшие депутатами парламента, демонстрировали лояльность главе государства, третьи, как Николай Статкевич, ходили во главе колонн оппозиционных демонстрантов под дубинки милиции. Какие идеи объединяли этих людей - не знал никто. Осенью 1996 года, во время конституционного кризиса, о котором речь впереди, партия

вновь распалась: одни вместе с Сечко ушли к президенту, другие вместе с Николаем Статкевичем вернулись в первобытное оппозиционное состояние.

«Панслависты» из ССБР потерпели на выборах не менее сокрушительное поражение, чем БНФ и его союзники. Но роль этой группировки оказалась очень своеобразной. Не желая опереться на коммунистов, как на представителей слишком жесткой идеологии и слишком организованной силы, но нуждаясь хоть в какой-то «интеллектуальной» и пропагандистской поддержке, Лукашенко стал активно использовать «панславистов». Еще в начале 1995 г. при содействии администрации президента член ССБР Юрий Азаренок снял пропагандистский фильм «Ненависть: дети лжи», в котором лидеры БНФ приравнивались к коллаборационистам времен нацистской оккупации, корпус панславистских пропагандистов активно использовался при подготовке теле- и радиопередач в поддержку референдума. В марте 1995 года член этой партии Игорь Гуковский был назначен редактором государственной газеты «Знамя юности», придерживавшейся ранее либеральной ориентации. Сторонники и члены партии получили места в МИД и в администрации президента. Особенно усилился идеологический альянс между партией и властью после назначения на пост начальника главного управления общественно-политической информации администрации президента полковника Владимира Заметалина, известного своими панславистскими антизападными взглядами.

Лукашенко, очевидно, уже предвкушал спокойную жизнь без всяких парламентов, но на этот раз его мечтам не суждено было исполниться. Избиратели проявили неожиданную активность, и в ходе второго раунда выборов, закончившегося 10 декабря 1995 года, Беларусь все же получила новый правомочный парламент. Всего было избрано 199 депутатов. (Для того чтобы новый парламент мог приступить к работе, необходимо было избрать не менее двух третей от общей численности в 260 депутатских мест, то есть не менее 174 депутатов.) Избрание нового депутатского корпуса разрешило парламентский кризис, затянувшийся почти на год, когда исполнительная власть демонстративно игнорировала законодательную и заявляла о ее нелегитимности.

Голосование 29 ноября - 10 декабря принесло определенные успехи демократическим партиям. Коммунистические кандидаты получили лишь 10 дополнительных депутатских мандатов, а кандидаты от демократических партий - 15. Особенно показательны были результаты голосования в Минске. Из 15 столичных депутатов 6 принадлежали либеральной Объединенной Гражданской партии, среди них - особо нелюбимые президентом бывший председатель нацбанка, лидер партии Станислав Богданкевич, бывший соратник Лукашенко Виктор Гончар, Геннадий Карпенко. Депутатом от столичного округа стал также «могильщик СССР» Станислав Шушкевич. Кандидаты БНФ не получили ни одного депутатского мандата, но избиратели БНФ в Минске голосовали за кандидатов ОПП.

В ходе повторных выборов обозначились новые тенденции, но они не смогли изменить общую расстановку политических сил в новом депутатском корпусе в целом - слишком внушительным был весенний успех левых. Фракция компартии в новом ВС насчитывала 44 депутата (22%), фракция Аграрной партии - 48 депутатов (24%), в том числе 34 члена партии. В конце декабря 1995 года было образовано депутатское объединение «Гражданское действие», созданное на базе депутатов от ОПП (9 человек), в которое вошло 18 парламентариев (10%), в том числе беспартийный депутат Станислав Шушкевич. Председателем объединения был избран председатель ОПП Станислав Богданкевич. Фракция Социал-Демократического Союза, возглавляемая Леонидом Сечко, насчитывала также 18 депутатов (10%), из них 12 - от ПНС, 2 - от БСДГ (серьезное

усиление фракции произошло в феврале 1996 года, когда в нее вступили бывший спикер парламента Мечеслав Гриб и лидер профсоюзов Александр Бухвостов).

В начале 1996 года было объявлено о создании блока беспартийных депутатов «Згода» («Согласие»), в состав которого вошли 59 депутатов (30%). Блок возглавил бывший в советские времена первым секретарем Витебского обкома компартии Владимир Григорьев. С первых шагов своей деятельности «Згода» показала себя как пропрезидентская фракция. После того, как «Згоде» не удалось провести в спикеры бывшего премьера Вячеслава Кебича, в кандидатуре которого был заинтересован президент, в руководстве фракции произошли изменения - Григорьева на посту председателя сменил Владимир Коноплев, в прошлом помощник президента.

С самых первых недель работы нового парламента стало ясно, что в белорусской партийной системе произошли важные изменения - изменились отношения между входящими в нее партиями. Уже в ходе президентских выборов возникло противостояние Лукашенко коммунистам и аграриям. Сейчас возникло новое, ранее немыслимое явление - в парламенте сложился альянс коммунистов, аграриев и либералов-рыночников из «Гражданского действия» (68). Избрание спикером лидера аграриев Семена Шарецкого состоялось исключительно благодаря поддержке «Гражданского действия». Перед лицом общей угрозы со стороны «батьки» политические антагонисты начали сближаться, и это сближение начинает выходить за рамки чисто «ситуативного» и временного - происходят сдвиги в политической психологии, изменяющие сам тон полемики между ними (69).

«Политический спектр» Белоруссии начал приобретать странную форму. Раньше можно было полагать, что партии более или менее покрывают политическое поле, все места на нем - заняты (есть националисты, есть либералы, есть коммунисты, есть «панслависты»). Но возникла новая сила, новое «место» - президент. И эта сила, расширяясь, начинает сжимать все поле действия партий. При этом сжатии партии сближаются. Все они вместе превращаются как бы в одну «партию», противостоящую этой силе и - отступающую.

Весной 1996 года альянс либералов и левых в парламенте претерпел серьезные испытания - началась интеграционная страда. Госдума России приняла решение о денонсации Беловежских соглашений о создании СНГ и о восстановлении действия Договора 1922 года о создании СССР. Белорусские коммунисты были исполнены решимости продолжить дело своих российских товарищей. Фракция «Гражданское действие» выступала категорически против этой инициативы. Президент поначалу приветствовал решение Госдумы, однако позднее под влиянием своего российского коллеги изменил свою позицию. Предложение о «восстановлении СССР» в белорусском парламенте заблокировали либералы, часть аграриев и президентская фракция.

Инициатива Ельцина и Лукашенко о создании сообщества двух стран вернула к жизни БНФ, ощутивший смертельную угрозу своей высшей ценности - белорусской независимости. Поражение БНФ на выборах отнюдь не означало, что ядро твердых приверженцев этой партии, около 10% электората, исчезло или даже уменьшилось. Просто «отрицательный электорат» у БНФ был очень велик и это сказалось при мажоритарной системе выборов. Теперь БНФ, потерпевший фиаско на выборах, выходит на улицы.

В Минске и других городах страны прошла серия антипрезидентских митингов - митингов протеста против объединения с Россией. В них приняли участие десятки тысяч людей, и они сопровождались жестокими столкновениями с милицией и последующими арестами и административными «отсидками» участников. Особенно серьезными были столкновения во время массовых акций, приуроченных к 10-й годовщине Чернобыльской катастрофы. Тогда в стычках с милицией приняли участие приехавшие в Минск активисты украинской

организации УНА-УНСО. На митинге 26 апреля 1996 года Зенон Позняк предложил почтить память погибшего незадолго до этого Джохара Дудаева. БНФ снова вернул себе политическую инициативу. Характерной особенностью акций весны 1996 года было массовое участие в них молодежи. В уличную белорусскую политику пришло новое поколение.

2 апреля 1996 года в Москве в торжественной обстановке был подписан договор об образовании Сообщества двух стран, в мае он был ратифицирован парламентом Беларуси. При обсуждении против ратификации активно выступали члены фракции «Гражданское действие».

В этой позиции «Гражданского действия» также проявились новые черты белорусской системы политических размежеваний. Белорусские либералы, возникшие из «Демплатформы в КПСС», вначале относились к идее белорусской независимости достаточно индифферентно и даже скептически, они всегда весьма одобрительно отзывались об опыте российских экономических реформ, поддерживали тесные связи с российскими демократами, в частности с идеологически близкой партией «Демократический выбор России». Но за период 1993-1996 гг. идея белорусской независимости постепенно входит в их политическое «кредо». Процесс этот - естественный и объективный. В белорусской «топологии» места демократизма и национализма объективно - «рядом». Как стремление к «возрождению» белорусской нации означает стремление к превращению ее в нацию по типу европейских и в члена семьи европейских народов, т. е. демократическую, что ограничивает, сдерживает потенциально антидемократические тенденции БНФ, так и стремление к демократии и рынку ведет к той же идеи вхождения Белоруссии в европейскую семью и сдерживает, ограничивает «русскоязычный космополитизм» либералов. Но на рубеже 80-90-х гг. существовал сильный образ новой, демократической России, противостоящий образу «белорусской Вандеи», и либералы связывали именно с Россией надежды на демократическое и рыночное развитие своей страны. К 1996 г. этот образ «затуманился» и кебичевский, потом лукашенковский «интеграционизм» и поддержка Москвой Лукашенко немало этому способствовали.

Расхождение в вопросе о восстановлении СССР и о сообществе Белоруссии и России не остановило процесс сближения партий в борьбе с «антипартийной» властью «харизматика»-президента, принявшей естественным образом форму борьбы за конституционные институты, за парламент и разделение властей.

С самого начала работы нового ВС началось противостояние президента и парламента. Президент был раздражен тем, что спикером был избран Семен Шарецкий, парламентариев возмущало, что президент осуществляет важные кадровые назначения, например председателя Национального банка, не согласовывая их с ВС. Президент игнорировал решения Конституционного Суда, отменявшие его указы, что также подливало масла в огонь. Уже в июне 1996 года Семен Шарецкий выступил в парламенте с весьма резкой критикой политики Лукашенко и заявил, что для Беларуси вообще желательна парламентская скорма правления (70).

Верный своему политическому стилю, Александр Лукашенко решил прибегнуть к радикальным методам и летом 1996 года объявил о намерении провести новый референдум. Главным из предлагаемых президентом вопросов был вопрос о проекте изменений Конституции - фактически о новой Конституции. Этот проект предусматривал существенное ограничение власти парламента и Конституционного Суда и фактическое подчинение всех государственных институтов главе государства.

Против идеи проведения конституционного референдума единым фронтом выступили демократические партии и коммунисты (71). Пленум ЦК ПКБ, состоявшийся в июле 1996 года, после горячей дискуссии принял решение об официальном переходе партии в оппозицию к президенту (72). Аналогичное решение приняла и Аграрная партия. Оппозиция объединилась. Митинги сторонников БНФ, собираемые летом 1996 года, аплодировали выступлениям лидеров компартии. Все наиболее влиятельные партии страны, включая БНФ, ОПП, ПКБ и АП, образовали постоянно действующий «круглый стол», призванный противодействовать президентскому курсу на установление режима единоличной власти.

Коммунисты, оппонирующие действующему президенту, - такая ситуация существует едва ли не во всех странах СНГ. Но, пожалуй, только в Беларуси коммунисты вместе с правыми партиями оппонируют «левому» президенту. Союз всех партий против наступающего авторитаризма окончательно стал реальностью.

5. Победа авторитаризма и «коллапс» партийной системы

Разворачивается политический кризис. Верховный Совет включил в бюллетень референдума вопрос об альтернативном проекте Конституции, в котором пост президента не предусматривался вовсе. Конституционный Суд страны принял решение, что плебисцит по проектам Конституции может иметь только рекомендательный характер. Президент своим указом отстранил от должности назначенного ВС председателя Центризбиркома Виктора Гончара и заявил, что референдум по предложенному им проекту Конституции, что бы там ни говорил Конституционный Суд, будет обязательным. В ответ на это в парламенте были собраны 70 подписей депутатов, необходимые для того, чтобы Конституционный Суд начал процедуру импичмента президента.

Россия, к которой апеллируют все участники конфликта (кроме БНФ), какое-то время колеблется, причем колеблются и правительство, и российская оппозиция (Зюганову надо было выбирать между Лукашенко и «братьями 110 партии»). Но победили и у правительства, и в КПРФ - «национальные» и «геополитические» интересы. За несколько дней до референдума состоялись ночные переговоры между Лукашенко и Шарецким, в которых активное участие принимали премьер России Черномырдин и председатели обеих палат российского парламента Строев и Селезнев. Был выработан путаный механизм реализации результатов предстоящего референдума (тут же заблокированный президентской фракцией «Згода»). Главным в принятом соглашении, однако, было немедленное прекращение процедуры импичмента. Россия фактически одобрила лукашенковский переворот и «сдала» чуть ли не со слезами на глазах умолявших о помощи руководителей ВС (73).

Через два дня состоялся референдум, на котором президентский проект Конституции получил внушительную поддержку избирателей. (Оценить реальные масштабы этой поддержки трудно, ибо результаты плебисцита, несомненно, были сфальсифицированы.) Политические партии Белоруссии потерпели поражение и вместе с ними - вся белорусская демократия. Возникла новая политическая реальность.

Как это всегда бывает в подобных случаях, началось массовое бегство в лагерь победителей (вернее, победителя). Большинство депутатов перешло на сторону президента. Они приняли закон о придании результатам референдума обязательного характера и проголосовали за прекращение полномочий Верховного Совета. За что и были вознаграждены - из состава лояльных депутатов президент сформировал нижнюю палату

(Палату Представителей) нового законодательного органа. Из «Согласия» в нижнюю палату перешли более 70% депутатов, из коммунистов и аграриев - около половины, меньше половины членов фракции «Социал-демократического Союза» и ни одного депутата из фракции «Гражданское действие»,

Председателем Палаты Представителей стал Анатолий Малофеев, который в 1990-1991 годах был первым секретарем компартии.

В разгар предреферендумного кризиса команде президента удалось расколоть компартию-часть руководителей ПКБ во главе с секретарем ЦК Виктором Чикиным вышли из партии и объявили о воссоздании Компартии Беларуси (КПБ), лояльной президенту. В 1991 году Чикин, Калякин и Новиков вместе восстанавливали компартию. До 1996 года в руководящей тройке ПКБ Новиков считался наиболее ортодоксальным, Чикин - наиболее гибким и прагматичным. Однако Чикин, в отличие от своих коллег, не был избран депутатом ВС и его позиции в партийной иерархии несколько пошатнулись. Осенью президент предоставил ему шанс, и он, объединившись с руководителями КПБ советских времен, расколол партию. Через несколько месяцев он сказал одному из авторов этих строк по поводу мотивов своих действий: «Я лучше просчитал».

После референдума значительная часть членов ПКБ перешла в ряды пропрезидентской, чикинской КПБ (74), руководители же городов и районов, оставшиеся в ПКБ, были освобождены от занимаемых постов. Однако большого поста В. Чикин не получил - президент назначил его заместителем председателя Минского горисполкома по работе с общественностью, еще раз показав, что ему вообще не нужны никакие партии - даже самые лояльные. И не случайно, что, хотя в Палате Представителей заседают и коммунисты из КПБ, и члены ПНС во главе с Леонидом Сечко, там не было образовано никаких партийных фракций.

Перешли в президентский лагерь, конечно, не все. Меньшинство депутатов Верховного Совета во главе с Семеном Шарецким заявили, что в стране произошел конституционный переворот, что референдум и органы власти, созданные на основе его результатов, - нелегитимны, ВС остается единственным полномочным законодательным органом, а Конституция 1994 года де-юре сохраняет свое действие. Эти сохранившие верность Конституции 40 депутатов признаются Евросоюзом, Советом Европы и ОБСЕ законным белорусским парламентом.

Особые усилия, чтобы превратить этот остаток ВС в реальную политическую силу, прилагала ОГП и ее фракция «Гражданское действие». По их инициативе была создана комиссия ВС по расследованию антиконституционной деятельности президента. В конце 1997 года либералы даже настаивали на том, чтобы депутаты, не признавшие референдум, уменьшили кворум ВС, необходимый для принятия решений, и возобновили прерванную осенью 1996 года процедуру импичмента, но эта идея не была поддержана коммунистами. В начале 1997 года при ВС был создан Национальный экономический совет («теневое правительство»), который возглавил Геннадий Карпенко и в состав которого вошли в основном члены ОГП.

Но несмотря на все эти усилия и поддержку Запада, реальной политической силой Верховный Совет все же не стал. В определенном смысле признание ВС во главе с Шарецким Западом даже оказалось ловушкой, порождая иллюзию силы и значительности. Внутри страны никакой власти он не имеет. Созданная Лукашенко Палата Представителей лишила его членов депутатских полномочий, в 1997 году многие из них были осуждены на уплату крупных денежных штрафов за нарушение порядка в ходе митингов оппозиции. Юридическая правота партий, представленных в этом образовании,

оказалась несоразмерной силам. необходимым для ее отстаивания, а сами партийные организации, рассчитанные на «нормальную» публичную политику и систему выборов, не приспособлены к ситуации, в которой они оказались.

Иную стратегию избрал БНФ. Он сделал ставку на массовые уличные действия. Весной 1997 года Фронт снова организовал серию массовых акций протеста, сопровождавшихся жестокими столкновениями с милицией, штрафами и административными арестами участников акций. Как и за год до этого, основной пафос акций был направлен на противодействие очередному этапу интеграции с Россией - образованию Союза двух стран. Эмигрировавший летом 1996 года в США Зенон Позняк продолжал руководить БНФ, сформулировав новую концептуальную схему политики Фронта: «Мы должны готовиться к великой всеобщей борьбе с имперской Россией. Оккупанты загоняют организованных людей и свободный народ в подполье. Тем хуже для хунты. Подземный невидимый Фронт должен действовать еще более эффективно и угрожающе для режима, чем открытый НФ. Земля должна гореть под ногами хунты. Куда бы ни бросали они свои безумные взгляды, всюду казалось бы им: «Смерть оккупантам!» ... Крепим наше освободительное движение и не имеем иллюзий, как те либеральные идиоты, которые оплеывали Народный Фронт... и слепо лезли в Москву» (75). На очередном съезде БНФ Позняк заочно был избран председателем Фронта подавляющим большинством голосов. Зал стоя аплодировал выступлению лидера, демонстрируемому по видеоманитофону, в котором Зенон Позняк призывал превратить Фронт в национально-освободительное движение.

Новый акцент в стратегии БНФ был обозначен в начале 1998 года, накануне 80-й годовщины образования Белорусской Народной Республики (БНР). БНР просуществовала в 1918 году несколько месяцев и была разгромлена большевиками. В Канаде и США до сих пор существует правительство - Рада БНР, формируемая из числа белорусских эмигрантов. В своем послании Позняк заявил, что поскольку Лукашенко власть узурпировал, «единственной легитимной белорусской властью является Рада БНР» (76). Незадолго до этого Фронт официально заявил, что, пока в Беларуси правит Лукашенко, любые выборы - и парламентские, и президентские - бессмысленны и вредны.

«Коллапс» партийной системы, порожденный победой Лукашенко, фактическая ликвидация демократических институтов и национальное унижение, естественно, в какой-то мере работают на национализм БНФ, превратившегося в ходе белорусской политической эволюции из демократического движения «в поддержку перестройки» в жестко «антиимперскую» и националистическую организацию. Именно в БНФ, а не к коммунистам или либералам идет молодежь. (Еще осенью 1996 года молодые члены БНФ создали свою организацию «Молодой Фронт», ориентированную на радикальные действия.)

А где-то уже за пределами легальной политики возникают экстремистские группки, организующие неумелые террористические акты (взрывы газопровода, взрыв в суде, где рассматривалось дело участников уличных беспорядков, поджог машины в российском посольстве в Швеции). Этот бескровный и явно «любительский» террор может вызывать улыбку (77). Но в Белоруссии ничего подобного еще недавно нельзя было помыслить. Ликвидировав легальную политику, Лукашенко естественным образом порождает политику нелегальную.

6. Что за «коллапсом»?

В некотором роде Белоруссия вернулась к тому, откуда пришла. Как все советские республики, Белоруссия до Горбачева была «закрытым» обществом, в котором была невозможна «нормальная» политическая жизнь, система политических партий. Сделав круг, Белоруссия снова пришла к ситуации, в которой нет места для партий. Они не запрещены (может быть, надо сказать - еще не запрещены), но вытеснены на обочину политической и общественной жизни.

В какой-то мере можно сказать, что если Белоруссия оказалась в результате стечения исторических обстоятельств независимым демократическим государством, не пройдя этап диссидентства, то сейчас вся партийная политика в Белоруссии превратилась в своего рода диссидентство и Белоруссия как бы наверстывает упущенное. Демократия, за которую не боролись и которую не выстрадали, в некотором роде оказалась пресловутым «бесплатным сыром», который бывает только в мышеловке.

Но в истории полного возвращения быть не может. Лукашенковская авторитарная система не обладает теми качествами «монолита», какими обладала Советская власть. Общество стало иным. И сейчас оно мучительно пытается найти путь из «мышеловки». Этот путь не будет повторением пути, пройденного в перестройку, когда Белоруссия не столько сама шла к независимости и демократии, сколько выталкивалась к ним силами вне Белоруссии, и когда в Белоруссии национал-демократы фактически имитировали чужие, прежде всего - прибалтийские, формы. Это будет путь не подражательный (хотя бы потому, что подражать некому - Белоруссия с ее проблемами продемонстрировала свою уникальность). И уже поэтому он не может не быть особенно трудным и мучительным. Но она уже идет по этому пути.

При этом, хотя лукашенковский период - несомненная победа авторитаризма и отступление демократии, это - отнюдь не бесплодный период. Это - период «взросления» и, можно сказать, становления белорусского общества, период изживания болезненных комплексов, иллюзий и страхов, с которыми Белоруссия начинала свой путь независимого развития.

Мы не знаем, когда и в каких формах произойдет переход к новой белорусской демократии. Ясно лишь, что он, во-первых, произойдет, во-вторых, произойдет в какой-то кризисной форме, ибо так просто Лукашенко свою власть демократическим институтам не передаст.

Это возвращение демократии одновременно будет новым расширением «сжавшейся» системы белорусских партий. При этом новая система как сохранит свою основную структуру, так и приобретет новые черты.

Основная структура ее сохранится, поскольку сохранятся основные «места» белорусского политического поля. В обозримом историческом будущем в Белоруссии будут белорусские националисты, либералы, коммунисты и «панслависты» (белорусы - русские националисты), ибо это членение вытекает из самого существа современного белорусского общества, из глубинных, имманентных ему противоречий. Только в безумной атмосфере рубежа 80-х и 90-х гг. можно было думать, что какие-то из этих «мест» можно просто уничтожить, запретив, например, коммунистов или, наоборот, БНФ. И для построения действительно устойчивой демократии нужно не «подавление» или попытки уничтожения имманентных обществу идейных течений («мест в политическом поле»), а то, чтобы занимающие каждое из этих «мест» политические партии разделяли некий минимум демократических «правил игры» и как раз не стремились полностью

уничтожить противников. Полностью развитой и стабильной белорусская демократия будет тогда, когда будет возможна, например, такая ситуация: к власти приходит БНФ или какая-нибудь коалиция, в составе которой БНФ, через какое-то время его побеждает на выборах ПКБ (или, опять-таки, какая-нибудь коалиция, включающая ПКБ, или партия - наследник ПКБ) и побежденный мирно и относительно спокойно уступает власть победителю, зная, что ничего «страшного» с ним не произойдет и через определенное время у него будет новый шанс. До такой ситуации Белоруссии еще идти и идти. И тем не менее именно сейчас, при лукашенковском режиме, очевидно совершаются первые шаги именно в этом направлении.

Прежде всего происходит укрепление белорусской независимости и возникновение привычки к этой независимости. Это происходит как чисто естественным путем, ибо уходит наиболее «советское» поколение и вступает в жизнь поколение тех, кто уже вырос в независимой Белоруссии, так и в результате парадоксальных следствий деятельности самого Лукашенко. Целая серия шумных, но малорезультативных интеграционных попыток продемонстрировала всем, с какими реальными трудностями связана интеграция, и постепенно объединительная лихорадка затухает. Возникает привычка к особой белорусской истории, порождаемой внутренними причинами и внутренними событиями, понимание того, что история эта все-таки в конечном счете делается не в Москве или Вашингтоне, а в Белоруссии. В этом отношении шок, пережитый лидерами белорусского ВС, когда практически вся Россия - и «демократическая» власть в лице Ельцина и Черномырдина, и оппозиция в лице Зюганова - поддержала во имя «высших геополитических интересов» лукашенковский переворот и установление авторитарной системы, был шоком «отрезвляющим» и полезным. И в какой-то мере это осознание того, что Белоруссия реально - особая страна со своими проблемами и своей историей и никуда она не «денется», переходит в признание того, что белорусская независимость - норма и ценность. Мы уже говорили, как изменилось отношение к независимости у белорусских либералов. Похоже, что в какой-то мере оно меняется и у коммунистов, у которых постепенно идея восстановления СССР переходит в сферу «эсхатологии» (78).

В известной мере меняется и отношение к белорусскому языку. Победа Лукашенко на референдуме по вопросу о языке сняла болезненные проблемы, связанные с насильственной белорусизацией. В бенеэфовских кругах, очевидно, возникает все же некоторое понимание того, что в языковой проблеме БНФ «перегнул палку» и сам во многом способствовал реакции. С другой стороны, белорусским либералам-космополитам сейчас немного жалко умирающий язык и немного стыдно и даже депутаты-коммунисты последнего Верховного Совета организовали для себя курсы по изучению белорусского.

Но, может быть, самым важным достижением лукашенковского периода является то, что он научил ценить демократию и быть терпимее к оппонентам. Многие коммунисты, аграрии и политики, вышедшие из советской номенклатуры, вдруг открыли для себя, что свобода собраний, печати, организаций, парламент, Конституционный Суд и разделение властей - это реальные ценности, которые надо защищать, если ты хочешь сохранить себя как партии, как политиков, как личностей (79). И в какой-то мере эта ценность демократии начинает даже перевешивать ценности партийных идеологий. И хотя позиция коммуниста В. Щукина: «Будет нормальная демократическая Белоруссия - тогда и будем цивилизованно спорить с БНФ» (80) - позиция «крайняя» и он даже был исключен за неумеренное братание с бенеэфовцами из ПКБ, то, что коммунисты выступают в защиту парламентаризма в одном ряду с бенеэфовцами и либералами из ОГП - великое достижение белорусского общества, за которое надо благодарить Лукашенко. В противостоянии белорусских партий, вообще всего «гражданского общества» Белоруссии авторитарному режиму возникают новые отношения между партиями, новая общая

система демократических ценностей. И этим белорусское общество закладывает новый и более прочный фундамент для будущей демократии и более стабильной, всеохватывающей и ответственной партийной системы.

Примечание

(1) О Кукобаке см. статью «Жил не по лжи (портрет-хроника диссидента Михаила Кукобаки)», где он назван человеком, «благодаря которому Белоруссия осталась на карте мирового правозащитного движения» («Знамя юности». 2.09.1990 г. с. 1-2). В отличие от украинских диссидентов, играющих большую роль в политической жизни Украины, и от российских, играющих маленькую роль, М. Кукобака. живущий после освобождения в 1988 г. в Москве, вообще не играл никакой активной роли в белорусской политике перестроечного и постперестроечного времени.

(2) О роли специфического самосознания белорусов, как фактора, определяющего особенности политического развития Белоруссии, см.: Фурман Д., Буховец О. Белорусское самосознание и белорусская политика // «Свободная мысль». 1966 г. № 1.

(3) Первые «зародыши» таких организаций относятся даже к предперестроечной эпохе. Это - созданная в 1980 г. и затем разогнанная властями «Беларуская сьпеуная драматычная майстроуня» и возникшее в 1984 г. «Товарищество белорусской школы». О белорусских общественных организациях предперестроечной и перестроечной эпохи см. статью-предисловие П. Терешковича «Общественные движения в современной Белоруссии» к сборнику «Гражданские движения в Белоруссии. Документы и материалы. 1986-1991» (Институт этнологии и антропологии АН СССР. М.. 1991).

(4) В «разоблачающей» национализм «Талаки» статье-доносе, написанной академиком Н. Дорожкиным под названием: «Эволюция политического невежества». дается перечень руководителей «Талаки»: преподаватель белорусского языка Минского педагогического института имени Горького В. Вечерко, младший редактор БСЭ А. Сума, исключенный из БГУ зять заведующего кафедрой БГУ С. Радкевича В. Ивашкевич, студент третьего курса истфака БГУ С. Витушка. См.: «Знамя юности». 23.10.1988 г. с. 2. Это перечисление имен с указанием мест работы и родственных связей дает представление о социальной среде, в которой возникла «Талака» и из которой вышли многие видные деятели белорусской национал - демократии. Стоит добавить, что упомянутый академик В. Вечерко, затем один из лидеров БНФ, - сын помощника П. Машерова, позже - заместителя председателя Госплана Белорусии (Федута А. Пожилой мальчик (портрет В. Вечорка) // «Имя» 23.01.1998 г. №3). Другой лидер БНФ С. Наумчик-сын бывшего секретаря витебского обкома КПСС (Федута А. За что боролись и как боролись // «Знамя юности». 16.10.1991 г. с. 2).

(5) Ю.Ходыко, один из лидеров БНФ в 1989 г., говорил: «Для ускорения и углубления процесса перестройки к тем усилиям, которые предпринимаются партией и государственным аппаратом, Народный Фронт добавит альтернативные программы по преодолению кризисных явлений в экономической и социальной жизни республики» («Советская Белоруссия». 18.07.1989 г. с. 3).

(6) На пленуме ЦК КПБ 22.06.1989 г. первый секретарь ЦК Е. Соколов говорит о БНФ: «В последнее время предпринимаются попытки образовать структуру экстремистской направленности... Они против руководящей роли КПСС... Парторганизации академических Института истории. Института философии и права. Института физики выжидают, проявляют политическую беспринципность к отдельным коммунистам, которые встали на путь конфронтации» («Знамя юности». 23.06.1989 г. с. 1).

(7) Очень характерно, что как Литва, где очень рано установилось взаимопонимание «Саюдиса» и партноменклатуры, поддерживает БНФ, принимает у себя его съезд и печатает и Вильнюсе его издания, так и Белоруссия печатает в Минске газеты литовского пророссийского движения «Единство» - «Единство» и «Литва Сонетская» («Знамя юности». 2.1 1.1990. с. 2) и впоследствии в Белоруссии пытаются найти убежище литовские коммунистические лидеры.

(8) «Гражданские движения в Белоруссии. Документы и материалы: 1986-1991». М., 1991. с. 120.

(9) Указ. соч. с. 124.

(10) Вскоре после образования БНФ одним из главных направлений его работы были акции, направленные на привлечение внимания общественности к последствиям аварии на Чернобыльской АЭС (Чернобыльский Шлях 1989 г.), час скорби и молчания (митинг молчания на пл. Ленина в Минске в апреле 1990 года), Чернобыльская Ассамблея Народов. Во время этих акций политическое руководство страны подвергалось критике за непринятие мер по устранению последствий аварии. В 1989 году был создан комитет БНФ «Детям Чернобыля», который занимался массовым вывозом за границу для оздоровления детей из зараженных районов. В 1991 г. комитет преобразовался в фонд, вышел из состава Фронта и сейчас является самой влиятельной чернобыльской организацией.

(11) В 1990-91 гг. в Белоруссии, как и везде, происходит выход из КПСС, иногда носящий такой же конформистский характер, как раньше - вступление в КПСС. Некоторые публичные «прозрения», наступившие в это время, могут вызвать только улыбку. Так, депутат ВС начальник отдела УВД Гомельской области И.Пырх заявил, что выходит из КПСС, поскольку «...в этом году я осознал, что коммунистическая идея нежизненна, утопична...» («Знамя юности». 22.07.1990 г. с. 1).

(12) Выразителем этих настроений становится председатель Совета Министров В.Кебич, активно воюющий в то время за экономическую самостоятельность Белоруссии, обвиняющий по всех экономических бедах «диктат Центра» и даже говорящий в официальном докладе такие слова, с которыми мог бы согласиться и сам З. Позняк: «...вследствие безумного господства авторитарной системы республика, находящаяся в центре Европы... оказалась едва ли не на обочине цивилизации...» («Советская Белоруссия». 11.10.1990 г. с. 1-2).

(13) Этот неожиданный переход на позиции суверенитета с позиций, противоположных бенеэфовским, ярко виден в материалах 31-го съезда КПБ в ноябре 1990 г. Доклад первого секретаря ЦК Е. Соколова и выступления в прениях были наполнены критикой московских руководителей, прежде всего – М. Горбачева. А. Яковлева и В. Медведева. При этом Е. Соколов четко проговаривает идею будущего ГКЧП: «Сейчас решается... быть или не быть Советской власти, социалистическому строю, партии Ленина. И если в самое ближайшее время не повернуть обстановку в позитивное русло... кризис может

перерасти в катастрофу». БНФ, естественно, всячески клеймится: «Нас не удалось столкнуть на путь заигрывания с националистическими, антисоветскими силами» («Советская Белоруссия». 29.11.1990 г., с. 2). И вдруг в речи В. Григорьева, первого секретаря витебского обкома (сейчас - сподвижника Лукашенко) мы читаем поразительный пассаж, где от идеи ГКЧП он прямо переходит к идее белорусского суверенитета: «Горбачеву надо... на деле, наконец, пойти на решительные меры по стабилизации положения в стране. Без этого она может окончательно развалиться и мы окажемся под ее обломками. А может быть, не надо нам, белорусам, ждать этого, а разработать самим, исходя из нашего суверенитета, оперативный план формирования общественно-политического благополучия в республике» («Советская Белоруссия». 1.12.1990 г. с. 3).

(14) Очень интересно вспомнить некоторые высказывания А. Лукашенко о БНФ, сделанные им в это время: «Игнорируя их, мы проигрываем. Конечно, они претендуют на власть. Считаю, что надо дать ее для пользы дела» («Советская Белоруссия». 14.04.1990 г. с. 1). «Что... касается БНФ, должен заметить, что позиция его представителей... конструктивна и я не сталкивался ни разу с экстремизмом БНФ... БНФ много сделал для консолидации левых сил» (в то время БНФ и вообще оппозицию КПСС часто называли «левыми», с годами они стали чаще именоваться «правыми». - Г. Д., Ю. Д., Д. Ф.) («Знамя юности». 6.07.1990 г. с. 1). В этот период А. Лукашенко был даже сторонником частной собственности на землю и, когда закон о праве частной собственности на землю в Верховном Совете не прошел, заявил: «Силы, которые противоречат демократии... двинулись в атаку» («Знамя юности». 30.12.1990. с. 1).

Размежевание А. Лукашенко с БНФ происходит после августовского путча 1991 г., когда он заявляет, что «...вне союза Белоруссия существовать не может...», и, выступая за сохранение ЛКСМБ, говорит: «Я не побоюсь пойти на конфликт... даже... с БНФ, потому что считаю наше дело правым» (Лукашенко А. Демократия и сегодня под угрозой (Речь на пленуме ЦК ЛКСМБ)//«Знамя юности». 6.09.1991. с. 1). Однако неоднократные заявления Лукашенко, что он был единственным депутатом, голосовавшим против ратификации Беловежских соглашений, документально не подтверждаются. Очевидно, этим депутатом был В. Тихиня.

(15) Если лидер БНФ З. Позняк - «разночинец», представитель «низовой» и полудиссидентской интеллигенции, то профессор С. Шушкевич - типичный представитель либерального интеллигентского истеблишмента, член КПСС, близкий к БНФ, но дистанцирующийся от чрезмерного радикализма. Он говорил, что согласен с программой БНФ «на 95%» («Советская Белоруссия». 20.05.1990 г. с. 1). Вот ряд высказываний С. Шушкевича из интервью в сентябре 1991 г., хорошо, на наш взгляд, выражающих его позицию «ответственного» и умеренного либерализма. О Кебиче: «Я считаю его очень положительным человеком». О рынке: «Я - противник интенсивного вхождения в дикий капитализм, но я сторонник капиталистических методов цивилизованного плана». О независимости и союзном договоре: «Я не уверен, что для национального возрождения необходимо полностью отделяться». О Верховном Совете: «Он так быстро эволюционирует» («Знамя юности». 20.09.1991. с. 1). В тот период он был идеальной «посреднической» фигурой между БНФ и партноменклатурной верхушкой, в какой-то мере удовлетворявшей и тех и других. Впоследствии, как это часто бывает с подобными фигурами, на него напали с обеих сторон. Белорусская журналистка так комментирует его отставку в январе 1994 г.: «Стараясь удержаться между двух огней, он так и остался для всех чужеродным» (Баранова Е. Под занавес// «Знамя юности». 28.01.1994. С. 1).

(16) «Белоруссия избыточно терпелива» (интервью С. Шушкевича) // «Знамя юности». 25.11.1990 г. с. 2. Белорусский журналист прокомментировал принятие Декларации: «БНФ еще не один год добивался бы принятия даже такой скромной декларации, если бы в России к власти не пришел Ельцин» (Дубровский В. Праздник, которого... никто не ждал // «Знамя юности». 21.08.1990 г. с. 2). А в марте 1991 г. депутат-бенефовец Б. Заболоцкий так говорит о настроениях депутатов: «Я думаю, часть народных депутатов БССР уже очень сожалеет, что Декларация о государственном суверенитете республики была принята» («Знамя юности». 14.03.1991. с. 2).

(17) «Гражданское движение в Белоруссии», с. 210. Очень характерно, что до этого свои самые смелые заявления лидеры БНФ делали в Прибалтике, на разных тамошних форумах Народных Фронтов, а не в Белоруссии. Так, еще осенью 1989 г. на съезде НФ Латвии З. Позняк, говоря, что решение сделать русский язык государственным языком СССР-знак перехода центра к реакции, восклицает: «...единственной надеждой на спасение становится выход из состава СССР» («Советская Белоруссия». 21.11.1989 г. с. 8).

(18) Там же. с.213.

(19) «Советская Белоруссия». 26.12.1990 г. с. 3.

(20) Так, Ю. Ходыко в июле 1990 г., убеждая себя и других, что «независимость-реальная перспектива», тут же оговаривается: «Другой вопрос, насколько она отдаленная» («Так называемый БНФ» (интервью Ю. В. Ходыко) // «Знамя юности». 16.07.1990 г. с. 2).

(21) Поддержка ГКЧП была оказана Бюро ЦК КПБ, принявшим «Обращение к коммунистам, всем трудящимся республики», и председателем Президиума ВС Н.Дементеем, убеждавшим депутатов-демократов: «...все делается по Конституции и прошу никаких домыслов не строить... не сейте паники, не сталкивайте людей, не подстрекайте людей... Взвешенно к этому относитесь. Все в соответствии» (Распечатка стенограммы беседы Н. Дементеева с депутатами ВС 18.08.1991 г. // «Знамя юности». 24.08.1991 г. с. 1).

(22) Стенограмма V внеочередной сессии ВС 12-го созыва. Заседание 24 августа 1991 г. Минск. 1991 г.

(23) Тем не менее решение о новой символике не собрало необходимого числа голосов депутатов, чтобы быть принятым как закон, и было оформлено как постановление. Флаги над государственными зданиями были сменены «по-партизански», ночью - случай, уникальный в СНГ (См.: Липай А. Осень, опадают флаги // «Знамя юности». 21.09.1991. с. 1).

(24) «Знамя юности». 10.09.1991 г. с. 1.

(25) Программа и Устав, принятые на III съезде БНФ. Минск. 1994 (Архив НИСЭПИ).

(26) «БНФ не может не уделять большого внимания возрождению национальной культуры, даже сознавая, что именно по этому вопросу он сталкивается с наибольшим непониманием, ибо слишком многие из нас подвергнуты денационализации» («Так называемый БНФ» (интервью Ю. В. Ходыко) // «Знамя юности». 16.07.1990 г. с. 1-2).

(27) Позняк говорил: «Наше общество - больное в физическом, духовном и социальном смысле... Оно численно вымирает, а государство, в котором живет этот народ, не имеет единой объединяющей идеи» («Пагоня». 14-20 апреля 1995 г.).

Один из деятелей БНФ, потом попытавшийся создать собственную национально-демократическую партию, А. Астапенко заявлял еще определеннее: «Сегодня, наверное, ни для кого не секрет, что белорусскую нацию вряд ли можно назвать полноценной» («Советская Белоруссия». 25.01.1992 г. с. 1).

(28) Цит. по: Злотников Л. Популистская революция // Аналитические доклады НИСЭПИ.

(29) Один из идеологов БНФ Л.Лыч пишет: «Уверен, что такие референдумы правомерно проводить только с высоко национально сознательными людьми. Нужно сначала научить жить согласно национальным нормам, а потом выяснять отношение к ним» («Знамя юности». 14.09.1991 г.).

(30) З. Позняк бесконечно, во всех выступлениях, клянет русский империализм и русское «имперское сознание». Вот только две цитаты: «Лично я... на 99 процентов сомневаюсь, что Россия станет демократической страной. По своей структуре, исторической традиции и ментальным комплексам - это типичная империя восточного образца» («Знамя юности». 4.1 1.1990 г. с. 2). Это говорится в 1990 г., когда само белорусское национальное движение было разбужено событиями в России и его единственной надеждой могла быть лишь демократизация России. В 1994 г. повторяется то же самое: «Русские... - лоскутный народ без очерченной территории... Доминирующее его сознание - не национальное, а имперское по сути» (Позняк З. О русском империализме и его опасности // «Народная газета». 15-17.01.1994 г. с. 2). При этом он добавляет: «Никакой принципиальной разницы между господином Жириновским и господами Козыревым, Гайдаром, Черномырдиным, Шумейко, Собчаком, Явлинским и прочими в политическом плане, я считаю, нет». Создается впечатление, что это-речь руководителя победившей повстанческой армии и что Белоруссия действительно «завоевала» независимость. Но, пожалуй, так не сказали бы и Джохар Дудаев и Аслан Масхадов, которые все же понимали, что разница между Жириновским и Явлинским есть.

В этой же статье говорится о том, что Смоленск хочет войти в Белоруссию и что «гражданин Беларуси не должен стоять безработным у ворот из-за того, что его место занял «дешевый» рабочий из Вьетнама или взяточник с Юга».

(31) Большую роль в создании своего рода культа З. Позняка в БНФ сыграли белорусские национально ориентированные интеллектуалы. Великому белорусскому писателю Василию Быкову принадлежат такие слова: «С великой любовью мы относимся к тому, что исходит от современного апостола Белоруссии Зенона Позняка - как к тому, что исходит от самого Иисуса Христа. Заповеди и того и другого мы безразлично топтали ногами годами, да и теперь не спешим поднимать их с земли» («ЛіМ». 12.10.1990 г.).

Естественно, что такое отношение не может не повлиять на представления самого Позняка о себе и своей роли. Когда журналисты спросили его, кто были те 14 человек, которые проголосовали против него на II съезде БНФ (за него проголосовало абсолютно подавляющее большинство в 391 человек), он ответил: «На каждом из съездов БНФ присутствуют провокаторы, даже в образе делегатов, и мы это знаем» («Знамя юности». 26.03.1991 г. с. 1).

(32) В резолюции конференции БНФ 30.06-1.07.1990 г. говорится, что БНФ «...приветствует новосозданные политические организации... Вместе с тем... высказывает твердую уверенность в том, что процессы политической дифференциации не должны

привести к ослаблению широкого общественно-политического движения за демократию и возрождение Белоруссии...» («Гражданские движения в Белоруссии». М., 1991. с. 214).

(33) Об ОДП см.: «Гражданские движения в Белоруссии». М., 1991. с. 89-112, «Знамя юности». 6.1 1.1990. с.1. В конце 1991 г. А. Добровольский выступает против выхода Белоруссии из СССР, опасаясь, что разрыв с радикально-рыночной Россией будет означать задержку реформ: «У нас есть два варианта - либо изолироваться, отгородиться от России, либо проводить радикальные экономические реформы» («Знамя юности». 14.1 1.1991 г. с. 3).

(34) См. статью: «Беларуская Сацыял-Дэмакратычная Грамада». Беларусістыка. № 21. Минск, 1993. См. также «Гражданские движения в Белоруссии». с. 67-78.

(35) Об этих партиях см.: Гришин Н. Белорусская партитура // «Советская Белоруссия». 9.08.1992. с. 2.

(36) Один из лидеров ДДР Л. Злотников писал, что к рынку надо идти вместе, «иначе россияне уедут впереди на поезде, а мы будем продолжать катиться на трехколесном велосипеде» («Знамя юности». 1 1.09.1991. с. 1). ДДР высказывалось также за государственный статус двух языков - белорусского и русского (см.: «Советская Белоруссия». 5.03.1992. с. 1).

(37) См. интервью Г. Карпенко с изложением невнятной, но умеренно-демократической идеологии ПНС («Советская Белоруссия». 28.05.1992. с. 2).

(38) См.: «Советская Белоруссия». 8.02.1992. с. 2.

(39) См. призывающую к суду над КПБ-КПСС статью Е. Глушкевича и А. Старикевича «Бесы перед заутреней» («Знамя юности». 16.11.1991 г. с. 1).

(40) «Съезд, о котором не слыхали» («Знамя юности». 10.12.1991 г. с. 1).

(41) См.: «У нас равное право называться русскими» (интервью с лидером ССБР профессором В. Акуловым)// «Советская Белоруссия». 16.04.1994 г. с. 2.

(42) Программа и Устав партии Славянский Собор «Белая Русь». Минск, 1994. (Архив НИСЭПИ).

(43) «Советская Белоруссия». 4.1 1.1994 г. с. 1-2.

(44) Сборник документов, принятых Конгрессом народа Беларуси. Минск, 1993 (Архив НИСЭПИ).

(45) Лидер ПКБ В. Новиков, выступая в феврале 1994 г. против рабочей стачки, которую пытались организовать независимые профсоюзы и бенезфовцы, говорит: «Помощь нам может прийти только с Востока - давайте же позволим правительству Кебича реализовать этот шанс» («Советская Белоруссия». 11.02.1994 г. с. 1).

(46) См. интервью С. Шарецкого «Аграрники, объединяйтесь!» («Советская Белоруссия». 1.09.1992. с. 2).

(47) «Знамя юности». 19.09.1991 г. с. 1.

(48) Уйдя в отставку. С. Шушкевич дает интервью, содержащее интересные характеристики «партии власти»: «Я до сих пор не понимаю, как мне вообще удалось стать во главе Верховного Совета. У коммунистического большинства в августе 1991 г. был фантастический испуг». Затем, говорит Шушкевич. «произошло объединение тех, кого в свое время выдвинула Компартия. Многие из этих людей сегодня уже не стоят на коммунистических позициях. Но чисто человеческое объединение их мощно и непробиваемо» («Знамя юности». 1.02.1994 г. с. 2).

(49) Введение поста президента активно обсуждалось еще летом 1991 г.. и еще тогда В. Кебич рассматривался как главный претендент, тогда еще от КПБ (см.: «Знамя юности». 20.06.1991. с. 1).

(50) Как писал в это время белорусский журналист, «...шансы у любого кандидата, который выступит против Вячеслава Кебича... минимальны» («Народная газета»). 22.02.1994 г. с. 1.

(51) Александр Лукашенко. Доклад Временной комиссии Верховного Совета Республики Беларусь для изучения деятельности коммерческих структур, действующих при республиканских и местных органах власти и управления // «Народная газета». 16.12.1993 г.

Однако еще в марте 1994 г. Лукашенко как кандидат многими не воспринимается «всерьез». Журналист С. Плыткевич в статье «Кто станет первым президентом Беларуси?» говорит, что, безусловно, соберут голоса для выдвижения Кебич, Позняк, Шушкевич «и даже говорят о маленьком-премаленьком шансе у народного депутата Александра Лукашенко» («Народная газета». 23.03.1991 г. с. 1).

(52) В. Новиков говорит затем о С. Гайдукевиче: «Отныне у настоящих коммунистов не может быть ничего общего с этим политическим авантюристом» («Знамя юности». 20.09.1994 г. с. 2), а про НДБ - что там после ухода коммунистов, остался «конгломерат мелкобуржуазных карликов» («Советская Белоруссия». 5.10. 1994 г. с. 1-2).

(53) Команда Кебича использовала в борьбе с Лукашенко все средства, до криминальных включительно. Так, в белорусских СМИ была распространена статья, якобы перевод из нидерландской газеты, где Шушкевича называли сыном поляка и еврейки (что неправда, он - чистый белорус) и покровителем католицизма. Лукашенко - опасным и непредсказуемым политиком, а Кебича - замечательным государственным деятелем, с которым так повезло Белоруссии в трудный переходный период. Естественно, что никакого нидерландского журналиста и никакой такой газеты не было в помине (см.: «Знамя юности». 14.06.1994. с. 1). Был арестован на таможне груз с плакатами в поддержку Лукашенко, якобы отпечатанный за большие деньги в Германии, и найдена некая стюардесса, заявившая, что Лукашенко украл у нее фен и вибратор (см.: «Знамя юности». 18-20.06.1994. с. 1-4).

Лукашенко, в свою очередь тоже допускал приемы, по меньшей мере нечистые. Это прежде всего - организация псевдопокушения на себя, очень неумелая и тут же разоблаченная следствием, но в тот период - повысившая его популярность (см.: «Знамя юности». 21.06.1994. с. 1).

(54) Пресс-секретарь В. Кебича В. Заметалин еще в марте 1994 г. говорил: «В условиях обнищания народа популизм в такой форме, как, наверняка, считают Лукашенко и его окружение, должен действовать как "асфальтовый каток"». Далее он задает вопрос, очень

характерный для складывающегося стиля политической полемики Белоруссии: нет ли у Лукашенко «долларового спонсора»? («Советская Белоруссия». 30.03.1994 г. с. 1). Когда Лукашенко победил, В. Заметалин, очевидно убедившись, что долларового спонсора нет, перебежал в лагерь победителей и стал одним из ближайших соратников президента.

(55) Журналистка Е. Баранова так описывает идеологию и риторику Лукашенко: «Что-то слышалось родное в перспективах государственного регулирования (в том числе и цен), обязательного трудоустройства и, быть может, даже возрождения СССР. И одновременно что-то революционно-возбуждающее предвещала борьба с мафией» (Баранова Е. Мы снова на пути от проклятого прошлого к светлому будущему // «Знамя юности». 1 1.08.1994 г. с. 2).

(56) Белорусский журналист К. Ховров писал: «Попробуйте критиковать программу, которой фактически нет. Да и делать это для команды бывшего премьера было рискованно, ведь за пламенной борьбой с коррупцией вырисовываются политические взгляды, очень мало отличающиеся от взглядов самого Кебича» («Народная газета». 13.07.1994 г.).

(57) Среди политиков и просто интеллигентов демократической ориентации, в этот период близких к Лукашенко и помогавших ему в избирательной кампании, - депутат Д. Булахов (председатель парламентской комиссии по законодательству) и В. Гончар, экономист В. Цепкало, журналисты А. Федута и А. Майсеня (руководитель центра стратегических инициатив («Восток-Запад»), трагически погибший в автокатастрофе в 1996 г.). Все эти люди, не только разочарованные, но и оказавшиеся в обидном и унижительном положении, затем становятся последовательными противниками президента.

(58) «...То, что говорят в своих интервью «перебежчики» из кебичевского стана, мол, «Лукашенко - это Кебич сегодня»... говорится честно и искренне». - пишет о массовых переходах номенклатурщиков к «вождю народного восстания» А. Федута («Год после выборов...» // «Белорусская деловая газета». 13.07.1995 г. с. 1).

(59) «Советская Белоруссия». 22.04.1997 г.

(60) Обращение политических партий и общественных организаций социалистической ориентации к народу Беларуси // «Товарищ». 6.01.1995 г.

(61) Агентство РИД «Гражданское согласие»: о соперниках и о себе // «Добры вечар». 31.01.1995 г.

(62) Агентство СИМ. «Александр Лукашенко считает, что парламент будет "синим"» // «Белорусская деловая газета». 1.06.1995 г. № 42 (203). Почему «синим» -одному Богу известно. Это - один из многих «лукашизмов», смешных и странных фраз, произносящихся периодически белорусским президентом.

(63) Агентство СИМ. «В новом парламенте коммунисты намерены сражаться за ликвидацию поста президента» // «Белорусская деловая газета». 1.06.1995 г. № 42 (203).

(64) «Белорусский мониторинг». № 127. 15.06.1995 г.

(65) IV съезд БНФ «Адраджэньне» // «Пагоня». 14-20 июля 1995 г.

(66) Предвыборная платформа ОГП (Архив НИСЭПИ).

(67) Глебов В. ПНС в ожидании съезда (интервью с заместителем председателя ПНС Петром Бригадиным)//«Народная газета». 1-3 июля 1995 г.

(68) Президентская команда, естественно, была этим очень встревожена. Помощник президента С. Посохов называет это «нездоровым компромиссом левых и правых» и особенно негодует на коммунистов: «Абсолютно все исходящие от президента инициативы не находят поддержки у коммунистов... очень узкая группа лиц в ПКБ узурпировала право выбора политики партии» («Советская Белоруссия». 14.02.1996 г. с. 1-2).

(69) Вот пример этого изменения тона. Лидер коммунистов С. Калякин в беседе с С. Богданкевичем говорит: «Некоторые подходы коммунистов совпадают с теми, которые предлагает «Гражданское действие»... необходимо создать законодательную основу для разумного налогообложения... Решающую роль в выходе из кризиса должна сыграть и монополизация производства. В то же время мы не совсем согласны с доктриной либеральной экономики...» («Народная газета». 12.03.1996 г. с. 3). Уже по этой цитате видно, до какой степени белорусская система политических партий стала отличаться от российской.

(70) Выступление председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Г. Шарецкого на первой сессии Верховного Совета 4 июня 1996 года // «Народная газета». 6.06.1996 г.

(71) Видный белорусский демократический журналист А. Майсеня еще в феврале 1996 г. писал: «...наиболее организованной и последовательной оппозицией президентскому произволу является, как это ни парадоксально. ПКБ» (Майсеня А. Несовместимость//«Известия». 27.02.1996 г. с. 5).

(72) Заявление ЦК ПКБ// «Товарищ». 26.06.1996 г.

(73) Белорусская журналистка Г. Калиновская пишет, может быть несколько преувеличивая, но, тем не менее, выражая реальные и не только свои чувства: «...однозначная поддержка российскими властями антизаконных действий исполнительной власти... открыла глаза... на сущность российской демократии и демократов...» («Белорусский рынок». 6-12.01.1997 г. с. 9). С. Шушкевич говорит о Черномырдине и Строеве: «Это они окрылили диктатора, это они признали законность разгона парламента». (Цит. по: Рыклин Л., Пинскер Д. Батька больше так не будет //«Итоги». 28.10.1997 г. с. 15.)

(74) Следует, однако, подчеркнуть, что все же большинство коммунистов осталось верными ПКБ. Сейчас в ПКБ - 10 429 человек, а в чикинский КПБ - 7011. См.: «Семь дней». № 12. 21.03.1998 г. с. 12.

(75) Зенон Позняк. Вызвольны рух (Освободительное движение) // «Свабода». 15-25 июня 1997 г. № 64-68.

(76) Зенин Позняк. Вяртаньне БНР (Возвращение БНР) // «Навіны». 9-13 марта 1998 г. № 23-25.

(77) Однако никакой иронии не может вызвать таинственный и неуловимый «Мирон», вывешивающий запрещенный национальный флаг на общественных зданиях и в разных

труднодоступных местах. З. Позняк в «Приветствии Мирону (новогоднее послание белорусской молодежи)» называет его «человеком 1997 года» и пишет: «По уровню воздействия на сознание белорусов Мирон сделал больше, чем вся... белорусская партийная демократия, вместе взятая» // «Пагоня». 13.01.1998 г. с. 2.

(78) См. по этому вопросу статью: Ю.Шевцов. Стоит ли Республика Беларусь на пороге коммунистического ренессанса? // «Белорусский рынок». 30.04-01.05.1995 г. №4. с. 4.

(79) В этом отношении очень интересна трансформация В. Тихини. Один из секретарей ЦК в советское время, в марте 1995 г. он назначается Лукашенко председателем Конституционного Суда. Белорусские демократы-антикоммунисты воспринимают это назначение вполне «однозначно». А. Старикевич пишет в «Известиях»: «Президент, известный своим вольным обращением с новорожденной белорусской Конституцией, имеет все шансы провести на пост председателя Конституционного Суда своего человека и получить со стороны этого органа карт-бланш на любые действия» («Известия». 23.03.1995 г. с. 2). Реально же получилось совсем не так, как, очевидно, предполагал Лукашенко и как опасался Старикевич: В. Тихиня стал жестким защитником Конституции и противником президентского авторитаризма, за что, естественно, заплатил потерей поста. Обратим внимание, что эта трансформация секретаря ЦК в защитника конституционализма происходит отнюдь не на рубеже 80-х и 90-х гг., т. е. не тогда, когда это было выгодно.